

18+
Р

е а л ь н о с т ь
м и р о в

Annotation

Реален ли твой мир? И откуда такая вера в его исключительность? Ведь и сон не воспринимается как иллюзия до момента пробуждения. А ты сам? Должны ли чувства и воспоминания, принадлежащие лишь тебе, отражать реальность? Возможно ты видишь, слышишь и осязаешь лишь тени своего разума. Где та граница, за которой откроется истина? А может смерть и есть тот самый момент пробуждения, а сомнения, боль и страх – преграды, не позволяющие сделать последний шаг...

Ганза / Остар

Небо затянуто тяжёлыми, серыми тучами. Снег по утру растаял, но холод не отступает. Большая городская площадь многолюдна. В этот последний зимний день здесь объявили о казнях. То, что этих злодеев не продали на рудники или турнирные бои, уже было событием. В последние годы всё чаще осуждённые на казнь, вместо помоста с виселицей и плахой, получали кандалы раба или палку бойца. Видно сегодня городской Совет решил напомнить горожанам о правосудии, здесь и сейчас. Трёх преступников, среди которых была женщина, в сопровождении стражи, вывели к помосту. Толпа оживилась, подтянувшись поближе. Вид злодеев был жалок. После многих дней в темнице, измученные холодом и голодом, они с трудом держались на ногах. Даже здесь, на агрянском юге, всё ещё было довольно холодно, а им перед казнью оставили лишь нательные рубахи. Их грязные, посиневшие тела била дрожь и преступники даже пританцовывали, пытаясь согреться. Сам советник по закону Флер да Ламут, что случалось крайне редко, пришёл объявлять приговор.

– Дстойные, уважаемые и простые горожане Ганзы! – так он начал свою речь.

Горожане внимали, ибо ожидали весёлого представления. Он же, довольно невысокий, но крайне высокомерный, видно полагал, что устремляя свой большой, с горбинкой нос в небеса и оттопыривая верхнюю губу, выглядит гораздо весомее в их глазах. Вкупе с низким, с чёткой вертикальной складкой лбом, обрамлённым зализанными назад при помощи жира длинными, тёмными, свисавшими на плечи, с едва заметной сединой волосами, грозно сдвинутые, кустистые брови должны были внушать ещё больше уважения. Прятавшиеся под ними маленькие, мутного цвета глазки взирали на толпу с явным превосходством. Но если на простых горожан это в некоторой степени, больше из страха перед стражей, действовало, то на достойных увы. Они прозвали его Недомерком и насмехались при каждом удобном случае. Он знал об этом и ненавидел, ненавидел, но, как и они, играл свою роль добропорядочного горожанина.

– Сегодня, на этой площади, свершится правосудие! – продолжил советник, выдерживая эффектную паузу. – Трое злодеев понесут заслуженное наказание пред богами и горожанами сего города. Первым казнят убийцу Хлора. Он обвинён и признан виновным при свидетелях в шести убийствах, в том числе двух достойных горожан. Злодей будет обезглавлен!

Ещё только жирный палач, в своём сером, загаженном старыми, кровавыми разводами балахоне, с огромным топором, вышел на помост к плахе, а толпа уже взревела от предвкушения события. Палачом был местный мясник и, учитывая то, что казни стали редки, он лишь подрабатывал этим пасмурным утром. Вчера он разделявал телёнка, а уже к обеду его ждала пара поросят. Злодеев, что мёрзли у помоста, он не считал за людей, и потому с такой лёгкостью готов был разделать и любого из них. А тут, без особых пыток, нужно было лишь отрубить голову, проще простого. Горожане кутались в накидки и прятали руки в карманы. Убийце было очень холодно, но его вдруг прошиб пот. Хлору пришлось смахнуть катившиеся в глаза едкие капли грязным рукавом. Он, совершенно неожиданно для самого себя, испугался. Убивая других, он видел их страх и насмехался над ним. Теперь же он сам был на месте своих жертв, а страх уже не был таким забавным. Нет, теперь он заставил его сердце сжаться, обдал тело холодным, противным потом и сильной дрожью. Это

уже была не дрожь от холода, но от страха. Его трясло сильнее остальных обречённых, а единственным желанием было бежать, бежать прочь. Стражи подвели осуждённого к палачу, а тот внезапно стал вырываться, на самом деле пытаясь сбежать от своей судьбы. Одному из законников пришлось огреть его дубинкой, а на плаху голову приложили силой. Горожане стихли, так что даже стал ясно слышен шум строителей, бодро ремонтировавших высокий дом на одной из городских улиц. Где-то вдалеке послышался плач ребёнка. Надрывно каркнул сидевший на шпигеле одной из башен ратуши чёрный, словно сама тьма ночи, ворон. Внезапно в толпе горожан раздался чей-то нервный смех, стихший так же быстро и нелепо. Прижатый к плахе смертник кричал, сопел и рычал, всё ещё сопротивляясь приговору. Он и до того не благоухал полевыми цветами, но сейчас трусливое зловоние, распространявшееся от трясущегося от страха тела, перекосило даже лица удерживающих его опытных стражей. Эти повидали многое на своём веку, но и они слегка отвыкли от таких представлений. Палач изготвился, ожидая отмашки. Советник по закону медленно поднял свою холёную руку и, в который раз обведя толпу надменным взглядом, быстро уронил её вниз. Мгновенье, отпрянувшие в стороны стражи, быстрый замах топора, последняя, тщетная попытка обречённого на смерть поднять голову и... та с глухим стуком падает на помост. Она ещё катится какое-то время в сторону зрителей, обдавая настил помоста кровавыми брызгами и заставляя их орать и визжать от удовольствия. Стражи тут же безглаголиво стаскивают обезглавленное тело прочь, к ногам ликующей толпы, а лежащая на краю помоста голова злодея взирает на горожан большими, полными ужаса глазами.

– Следующей будет наказана мошенница, что промышляла различными обманами. За все свои преступные деяния она будет... лишена обеих рук! – продолжал громко вещать, с гордо задраным, горбатым носом, советник.

И это зрелище было по душе толпе. Женщина умоляла, визжала от страха, просила, редела и проклинала. До того ей казалось, что она готова даже к смерти, но на помосте приговорённая впала в истерику. Стражам вновь пришлось помогать палачу, а страдания несчастной мошенницы несказанно веселили горожан. Когда обе её руки, после равнодушного удара мясника, оказались на помосте, вздох восхищения прокатился по толпе. Такое наказание было равносильно смерти, и даже того хуже – мучительной смерти. Культы ей замотали каким-то тряпьем, дабы она не сдохла прямо на площади, и тут же вытолкали прочь, прямо в толпу. Нет, сделавших так по приказу советника стражей не заботила её судьба после наказания, но законники желали ей страданий, а смерть считали избавлением. Некоторые после такого быстро истекали кровью или умирали от самой боли, но эта, молодая ещё женщина, продолжала жить и ожидаемо распяляла злобу толпы. Горожане насмехались, толкали несчастную и плевали ей вслед. Она же, завывая от боли, стремилась спрятаться. Калека падала на камни мостовой и ползла, не в силах подняться на ноги. В глазах её застыл ужас обречённости. Уже скоро, как только толпе надоеет издеваться над злодейкой, безрукую выкинут за ворота, обрекая на смерть от холода и голода. Хотя есть шанс, что оставшиеся при ней прелести прокормят её в селении потерянных. Там немало разных калек нашли своё последнее пристанище, исполняя злую волю их «спасителей».

– И третьим, и последним на сегодня, будет казнён вор Васп! Этот злодей хоть и не убил никого, но похуже того же Хлора! Он много раз избегал поимки, хотя о его многочисленных кражах было давно известно законникам. И вот он попался! Как символ неотвратимости правосудия он будет повешен! Смотрите, наслаждайтесь и помните о законе! – объявил явно заскучавший в роли оратора советник.

Он был абсолютно равнодушен и к самим казням, и к восторгам горожан, и даже к правосудию. Выйдя сюда покрасоваться, он был разочарован собственными чувствами. Советнику казалось, что даже этому обречённому на казнь преступнику нет никакого дела до его сиятельной персоны, и это печалило.

Синие, словно безоблачное небо, глаза вора, казалось спокойно смотрели и на стражей, и на палача, и на толпу на площади. Он проиграл в этой игре, где ставкой была его собственная жизнь, и был готов к такому концу. Вор проводил каким-то обречённо-печальным взглядом взмывшего в серое небо ворона и покорно подставил голову под петлю. Этот плотный, невысокий, но и не низкий мужчина, словно полностью смирился со смертью и уже протянул руку Ару, перевозчику мёртвых на тёмной стороне. Толпа стихла, ожидая очередной забавы над висельником. Они ненавидели его за то, что был другим, за то, что не желал жить по правилам, и особенно за то, что смел вообще жить вне их такого знакомого и, как им казалось, правильного мира. Палач выбил высокую подставку из-под ног вора, и петля резко затянулась. Руки смертника инстинктивно схватились за верёвку, будто бы он мог ослабить сдавившую его шею петлю. Внезапно приближение смерти не понравилось смертнику, и он предпринял инстинктивную попытку спастись. Синие его глаза стали огромными, а язык полез наружу, выталкивая стекавшую по бороде слюну. Он довольно долго дёргался, скорее уже не понимая, что происходит, чем продолжая тщетные попытки выжить.

– Правосудие свершилось! – с этими словами советник Флер да Ламут, неспешно, с неизменно заносчивым видом, покинул помост.

Горожане ликовали, забрасывая висельника какими-то объедками. А вора уже накрыла тьма и он осознал, что шагнул на тёмную сторону, сторону смерти. Боль от удушья, желание спастись и даже последние мысли о смерти – всё это растворилось в мрачной пустоте. Он не знал сколь долго длилась эта тьма, может мгновенье, а может целую вечность. Внезапно, широко распахнув глаза, он вернулся к свету. Ему пришлось прищуриться, так ярок был свет вокруг. Он висел в прозрачном, заполненном голубоватой дымкой кубе и тот постепенно исчезал.

«Я попал прямо в чертоги Сета? – дивился он происходящему. – Это ли Сенéга? Но почему? Всё что нам говорят враньё? Грешник в храмах света?! И рядом другие!»

Однако люди в кубах рядом с ним словно спали и только он бодрствовал.

– Ого! – невольно вскрикнул чудом спасшийся вор.

Он глянул себе под ноги и ужаснулся. Резко контрастируя со светом, внизу клубилась непроглядная тьма. По мере того как куб таял, человек опускался вниз, в тёмную пасть неизвестности. Пожалуй, именно эта неизвестность так напугала воскресшего вора. Он попытался выйти из куба, подальше от опасности, и тут же понял, что это не так-то просто. Он шёл, но стоял на месте. Он даже пытался бежать, но это никак не помогало. Он заставлял своё тело покинуть куб, но тот не отпускал. Однако Васп не сдавался. Вскоре он заметил, что тело начинает слушаться, а сковывавший его движения куб так и продолжал исчезать. Ему удалось сделать невероятно тяжёлый, маленький шаг вперёд, потом ещё один. В тот самый момент, когда он уже почувствовал себя в силах выйти за почти невидимую стенку куба, его ноги почти коснулись тьмы. Он не вышел, но выскользнул наружу, истратив на этот последний рывок так много, что голова закружилась, а сознание помутилось. Васп тут же упал на пол, уже не видя, не слыша и не чувствуя.

Он вновь очнулся через некоторое время на холодном, бетонном полу. Свет, так

напоминавший солнце, слегка ослепил его, и он тяжело поднялся, щурясь и ощупывая болевшую шею. Глубокая, болезненная борозда от верёвки напоминала о недавней казни. Поначалу он понимал так мало, что был ошарашен происходящим. Память лишь постепенно возвращала его к реальности. Размеренный, раздражающий гул, обволакивающий его со всех сторон, мешал сосредоточиться. Однако запах, этот резкий, ни на что не похожий запах, внезапно вернул воспоминания. Вот он сообразил, как попал в этот зал с прозрачными кубами. Затем к нему вернулось его имя и часть его прошлой жизни. Он вспомнил, что пришёл к ним желая подзаработать и добровольно вошёл в этот куб.

«Это проект корпорации „Один“! Я Ден, Ден Торби. Меня ждут жена и дочь. Яна и... Яна и..., и Сандра! Сколько я пробыл здесь и почему так болит горло и трудно дышать? – тихо бормотал он себе под нос, ощупывая руками так сильно болевшую, явно повреждённую шею. – Меня повесили в этом кубе? Но как такое возможно?! Я умер, но всё ещё жив? Они сказали, что это лишь игра, иллюзия и не более. Нужно найти кого-нибудь и отказаться от этой работы. Как можно скорее нужно... Контракт! – он скривился, вспомнив подписанный им документ. – Нужно просто сбежать! Эта работа сводит меня с ума, она просто сводит с...»

Воспоминания из жизни Дена вдруг смешались с воспоминаниями Васпа. Он вновь вспомнил площадь, виселицу и ликующую толпу. Он воровал, обманывал и даже убивал. Он был чудовищем, мерзким и бессовестным. Потом, после казни, попал сюда, в чертоги Сета. Бредя по коридору между кубов, воскресший вор дошёл до обшитой металлом стены. Он глянул в стену и увидел там своё, пусть и не такое чёткое как в зеркале, отражение. Увиденное ужаснуло его, ведь он совсем не мог узнать этого человека.

«Боги, кто я? Где я? Я Васп или Ден? И как они выглядят? Возможно я вообще никто из них, – обхватил он, готовую уже взорваться от хаотичных воспоминаний, голову. – Где реальность, а где игра? Я жил там или я живу здесь? Мне нужно увидеть солнце!»

Слева у стены была лестница, стальные ступени которой резво убегали вверх. Лестница вывела его к небольшой площадке с дверью. Ключ торчал прямо в замочной скважине, так что ему оставалось лишь повернуть его против часовой стрелки. Он открыл дверь и вышел в небольшой, едва освещённый извне, коридор. Подсобка с каким-то хозяйственным хламом. Впереди лишь глухая стена.

«Дьявол! На хрена располагать глухую подсобку на такой высоте и подводить к ней лестницу?!» – разозлился беглец, понимая, что нужно возвращаться обратно, в зал с кубами.

От отчаяния он привалился к ненавистной теперь ему стене, словно пытаясь сдвинуть её и... она подалась вперёд. Дверь, а на ней ни ручки, ни замка. Беглец просто толкнул её, навалившись плечом, и она открылась. Это была конструкция наподобие вертушки в торговых центрах. И снова довольно крутая лестница наверх. Он бросил мимолётный взгляд назад, в сторону автоматически закрывающейся двери. Уже через несколько секунд там была лишь стена и ничто теперь не указывало на возможность вернуться. Но ему было всё равно, ведь он спешил покинуть это место. Снова дверь и..., и она не заперта. После такого яркого света в том зале, ясная, звёздная ночь показалась ему откровением. Он стоял на крыше большого здания, с одной стороны которого рассыпались по довольно большой, освещённой фонарями территории ещё несколько подобных, а с другой шумела река. Здесь было так свежо и свободно, и... так холодно. Холод победил даже пленивший его с самого момента воскрешения шок. Только сейчас, когда ему стало по-настоящему холодно, он заметил, что абсолютно гол. Беглец стоял, растерянно всматриваясь в звёзды и пытаясь

остановить поток захлестнувших сознание мыслей и воспоминаний. Это ему удавалось с трудом, и он с надеждой ухватился за решение о побеге. Холод вернул и остальные чувства, и главным сейчас стал страх, страх быть пойманным и возвращённым в тот прозрачный куб. Нужно было найти способ спуститься вниз. Он подумал о том, что нужно отыскать пожарную лестницу, но не успел сделать и шага.

– Проклятье! Я снова забыл закрыть эту чёртову дверь! – заставил его сердце биться в разы быстрее незнакомый голос.

Испугавшись, что его заметят, беглец подбежал к ближайшей, такой спасительной водосточной трубе, и начал быстро спускаться. Внизу шумела река, но он был уверен, что это путь к спасению. Однако он никак не ожидал, что в его нынешнем положении это будет так сложно. Не преодолев и пары метров, беглец застыл, вцепившись в такую холодную трубу обеими руками. Силы внезапно иссякли, и он уже не мог ни вернуться на крышу, ни продолжить спуск. Тело била предательская дрожь, зубы отстукивали причудливую мелодию, сердце рвалось из груди, а руки и ноги быстро слабели. Он просто висел, вцепившись непослушными руками в холодную жёсть, а ноги уже предательски скользили вниз. Вскоре голова его закружилась и на какое-то время он потерял сознание. Когда же очнулся, то уже стремительно летел вниз. Беглец плюхнулся в ледяную воду и течение реки понесло его обессиленное тело в ночную тьму. Холод, который лишь приобнял его на крыше, теперь крепко сжал беглеца в своих смертельных объятьях. Васп, а может Ден, явно умел хорошо плавать, и если бы не накатившая слабость и сковавший его конечности холод, точно спасся. Но сейчас, после пары тщетных попыток, судорожно взмахнув обессиленными руками, он обречённо вдохнул в свои лёгкие ледяную воду и вскоре захлебнулся. Течение понесло безвольное тело дальше, к такой желанной для беглеца свободе. Теперь, кем бы он ни был до сего момента, этот несчастный человек, определённо и вне всяких сомнений, умер.

Остар

Полицейский участок этим первым весенним утром напоминал курорт в межсезонье. Детективы скучали за столами, пялясь в экраны, маленькие и большие. Теперь их работа отсидеть смену, а после полудня и вовсе большинство дремало прямо за столами. Количество серьёзных преступлений в городе за последние годы плавно снижалось, пока наконец не достигло практически нулевой отметки. Вот уже несколько месяцев как убийства, грабежи и даже злостное хулиганство стали редкостью в городе. Лишь воровство, мошенничество и угоны не давали детективам уж совсем заскучать. Поначалу все были рады, меньше опасной работы и больше отдыха. Но недавно начались сокращения, ведь администрация решила, что город не нуждается в таком количестве детективов. А учитывая низкий уровень преступности и достаточное наличие в полиции мезов, это было вполне логичным результатом. Мезы были механическими копиями людей и прекрасно справлялись с простой полицейской рутинной. Однако действовали они по шаблонам и их слабость в расследовании даже не таких уж и сложных краж, была для всех слишком очевидной. Именно поэтому детективов не радовало отсутствие настоящих преступлений. Теперь они, как это ни странно, даже молились, чтобы их стало больше. Их северный участок на сегодняшний день остался единственным, с таким большим количеством людей в штате. Остальные были уже больше чем наполовину укомплектованы мезами. Это называлось красивым словом «оптимизация» и рекламировалось как благо. В эти непростые дни лишь руководству не угрожало сокращение, разве что при полной ликвидации самого участка. Уже было ясно, что и детективы северного участка оставлены лишь как дань традиции и не более того. Так, на всякий случай, там, где мезы не справятся. Самым страшным преступлением за этот месяц стала ссора молодых супругов. Она вlepила ему пощёчину, узнав об измене, он буквально выбросил её из квартиры. Она вызвала полицию и оба подали заявления. Они желали немедленно развестись и каждый считал квартиру, подаренную им на свадьбу родителями, родственниками и просто друзьями, своей. Дело, с которым легко управились и мезы, оставив взаимные претензии супругов суду.

Детектив третьей ступени Арм Кант, в отличие от своих товарищей, пытался провести это время вынужденного безделья с пользой. Он всего год назад перевёлся в северный участок Остара, проработав много лет до этого в другом полицейском участке, а начинал и вовсе в родном городе Марка. Причиной были всё те же сокращения, а теперь ходили слухи, что и этот участок будет «оптимизирован». На крайний случай оставят лишь небольшую специальную группу детективов, одну на весь город. Конкурс на те места был просто бешеный, поэтому Арм изучал вакансии и готовился к худшему. Он был и тогда удивлён, что его приняли детективом в северном участке, ведь он и не надеялся задержаться в полиции. Людей кругом и всюду постепенно заменяли механизмы, а на пособие, которое выплачивали оставшимся без работы людям, не разгуляешься. Многие, часто целыми семьями, переезжали на недавно открытую копию Осма. Даная, во всяком случае в рекламных роликах, была потрясающе красивой планетой и сулила не менее грандиозные перспективы для переселенцев. Там изначально делали ставку на людей вместо мезов. Во всяком случае так рассказывали в новостях. Но вот почему не желали делать также

и здесь, на Осме – для Арма было загадкой. Оправдания правительства о почти мёртвом Осме были логичными и даже убедительными, однако сам бы он решил иначе. Ему очень не хотелось покинуть родную планету и даже свой город он вынужденно сменил с большим сожалением. Да и желать или не желать было не достаточно, ведь переезд могли и не разрешить. Решение принимали чиновники и по какой-то своей, только им известной инструкции, выдавали разрешения на выезд одним и запрещали покидать Осм другим.

В комнату детективов вошёл их шеф Тор Омели. Никто из присутствующих казалось даже не обратил на него внимания. Когда-то давно бывший грозным профессионалом, он превратился в осунувшегося и вечно брюзжащего старикана, растерявшего весь свой авторитет вместе с потускневшими заслугами прошлого. Однако он был, пожалуй, единственным, не считая самого Арма, кто был ещё способен раскрывать настоящие преступления. Они были в этом так похожи, что симпатизировали друг другу с первых же дней совместной работы. Так бывает, встречаешь человека и понимаешь, что это родственная душа. Их общение в последние время переросло в крепкую дружбу и в участке часто подшучивали над ними. Одни завидовали, другие презирали, а некоторым и вовсе было безразлично всё, что не касалось их лично. Два детектива за угловым столом сразу обратили внимание на слишком уж просветлённое лицо шефа.

– Старик снова дёрнет своего любимчика на завтрак, – негромко поделился мыслями с сидевшим за соседним столом коллегой коротко стриженный молодой детектив. – Будут как обычно трепаться о прошлом, не имея ничего путного в настоящем.

– Если бы ты гонял на таком старом, ручном корыте и восторгался всем, что было до войны, то старик и тебя бы прихватил, – усмехнулся явной зависти собеседника близости Арма к шефу другой детектив. – А я бы ни за что не согласился терпеть общество этого дряхлого зануды.

– Вот поэтому не ты, а он будет расследовать настоящее дело сегодня, – поддел расплывшего от безделья коллегу первый.

– С чего ты решил, что намечается дело? – заинтересованно уставился в сторону шефа тот.

– А ты на старика глянь, – кивнул в сторону Тора молодой. – Явно ограбление или того получше, убийство.

Старик Тор действительно направлялся к столу детектива Канта, с нескрываемой радостью на подёрнутом морщинами лице.

– Эй, Арм! Снег растаял, весна в первый же день вступает в свои права, – подошёл улыбающийся Тор к затёртому столу своего подчинённого. – Может всё ещё и образуется на этой многострадальной планете. Так хочется, чтобы всё было как раньше!

Арму нравилась любовь старика к прошлому, и он сам находил там немало хорошего. Они оба восторгались старыми, ещё без мезовской начинки, машинами, да и многим другим из довоенных лет. Также они сходились в своём полностью негативном отношении к мезам и особенно в просто патологической страсти к расследованиям. Даже то, что старик Тор был вдвое старше Арма и являлся его начальником, не помешало их дружбе. Частенько они обсуждали преступления прошлого, раз уж их таланты не были особо востребованы в настоящем. В этот год угасания северного участка, да и настоящей полиции в целом, они довольно быстро нашли общий язык и сблизились. Однако лишь одному Тору пока было известно почему и зачем на самом деле это стало возможным.

– Так и есть господин Омели, – на службе Арм продолжал обращаться к старику

подчёркнуто уважительно, а в свободное время они давно перешли на «ты». — Ещё немного и зимние куртки долой!

Шутки о погоде были привычными. После Последней войны климат планеты надолго вышел из строя и только несколько лет как немного стабилизировался. Однако календарь по большому счёту всё ещё оставался условностью. Морозные ночи и снег летом или внезапные жаркие дни зимой всё ещё были нормой для этих людей. Такая вот норма ненормальности. Сельское хозяйство с полями, обычными фермами и садами осталось в прошлом. Теперь город окружали парники и фабрики корпораций. Одна из современных шуток гласила: «Как и что там выращивается лучше не знать, так вкуснее.» Магазины и кафе были наполнены суррогатами и людям ничего другого не оставалось, как есть то, что предлагают. С водой дела обстояли не лучше, выпить неочищенной из водоёма было равносильно принятию яда. Степень же очистки и качество воды в городе также оставались неудовлетворительными. В дождь или пыльную бурю люди старались не покидать укрытий. Были ли такие пища и вода причиной множества болезней и смертей? Определённо, вместе с заражённым воздухом и землёй, они многие годы медленно убивали выживших. Кто-то умирал быстрее, кто-то медленнее, но были и такие, для которых даже в этом мире всё было не так уж плохо. Всё это было не удивительно, учитывая, как люди обошлись с планетой. То, что цивилизация, сколь абстрактным и глупым теперь ни было это определение, всё же выжила, было не иначе как чудом. Миллионы смертей, болезни, голод и отчаянье — итог той войны. Они выжили, потому что смогли приспособиться. Однако и сегодня, спустя тридцать с лишним лет после фактического окончания Последней войны, планета продолжала мстить своим сумасшедшим детям, которые ранили её в самое сердце.

— Есть дело, — заговорщицки подмигнул детективу начальник. — Подробности по дороге.

При слове «дело» уши остальных детективов, и особенно тех двоих, казалось потянулись к столу Арма. Отдел уже слишком давно не занимался делами, в основном делишками. Уходящего вместе с начальником любимчика провожали в основном завистливыми, а часто и враждебными взглядами. Дверь закрылась. Печально повздыхав, детективы вернулись к своим экранам, надеясь, что вскоре этим двоим понадобится и их помощь. Многие не столько хотели поработать, сколько рассчитывали, что это зачтётся им в попытке избежать сокращения или даже попасть в группу быстрого реагирования.

— Найден труп на окраине, у набережной, — многозначительно начал Тор. — Жорж уже там. Поедем на твоей.

Словно полностью поддерживая их боевой настрой, яркое, слегка тёплое весеннее солнце заливало светом всё и вся вокруг. Обоих охватил азарт охотника, понятный лишь одержимым своим ремеслом людям. После столь долгого безделья и вдруг труп.

— Какие-то подробности? — с горящими от волнения глазами спросил Арм, прыгая за руль своего старого авто.

— Ничего такого, — очень резво, для своего возраста, занял пассажирское кресло Тор. — Но уже то, что они обратились к нам, означает сомнения по поводу ненасильственной смерти жертвы.

Как только зашумел двигатель, автоматически включилось радио. Из колонок на них накатила музыка довоенных лет. Они оба только её и слушали. Арм сделал потише, оставив приятные рифы фоном их разговора.

— Это хорошо... в смысле плохо... я имел ввиду плохо что убийство, но хорошо, что этим займёмся мы, — смутился детектив, вырulingая с парковки.

– Да ладно! – понимающе похлопал его по плечу шеф. – Я в твоей машине прям душой отдыхаю. Свой «Станг» я давно не выкатывал на прогулку. Пылится на парковке бедолага. Так и не смогли уговорить тебя на утилизацию?

– Нет, но уже готовят закон о полном запрете таких старушек с неподъёмными штрафами. Слышал? Чёрте что творят демоны! – возмущённо помотал головой Арм. – И твоего красавца изымут, Тор, причём по закону. Всех на свалку, чтобы не портили городской мезо-идиллии. И останутся раритеты лишь у богачей, по спецразрешению. Да ещё, пожалуй, в городском музее кое-что сохранится.

– Это точно, – с невыразимой печалью в голосе согласился с ним Тор. – У них до сих пор в коллекциях те первые красавцы с встроенными реакторами, а ты о них только в смарте можешь глянуть.

– Но с другой стороны город стал просторнее и чище, и это радует. Раньше бы мы застряли в пробке прямо тут, – махнул рукой в сторону ближайшего перекрёстка детектив. – Да и очередей на заправках поубавилось. Однако отказаться от своей красавицы я не смогу точно. Спрячу, если что, и буду тайком колесить у запретной зоны.

– Тогда уж и я, за компанию! – широко заулыбался старик.

– Расследование, – нетерпеливо погладил обеими руками рулевое колесо остановившийся на очередном перекрёстке Арм. – Это радует особенно!

– Это да-а-а! А вот вездесущие железки вместо людей вовсе не радуют, – горько усмехнулся шеф. – Поначалу и мне казалось, что всё вокруг только улучшается. Вернее, я почему-то верил, что это следствие прогресса. Сейчас то я уже понял, все эти изменения – страшная плата за выбранный нами путь механического рабства. Посмотри на людей вокруг, многие из них не смогут сказать, что ели на завтрак, без того чтобы свериться со смартфоном. Представь, что будет, если подменить информацию о прошлом в самой сети! Большинство даже не заметит, остальные удивятся, но сочтут что ошиблись сами. А закон о поголовном обязательном чипировании?! Если его примут, я буду вынужден превратиться в преступника. Смарт я хоть дома могу отложить в сторону, а чип?

– Жесть! Сам не знаю, как потом избежать этой заразы, – яростно закивал короткостриженной, светлой головой детектив. – Но изменить историю так легко им не удастся.

– Ха! Они уже понаписали, что только взбрело в их придурковатые головы, – весьма эмоционально отреагировал на большую для него тему старик. – Вот скажи мне, кто и почему воевал в Последней войне?

– Союз справедливости против Объединённых сил зла, – вспоминал Арм курс общей мировой истории. – Враги хотели уничтожить весь мир, а мы им не позволили и в итоге, с огромными потерями, но победили.

– Ага, – презрительно ухмыльнулся Тор. – Я лично воевал за Союз против тех сил зла, которые кстати называли себя силами свободы. Да, да, свободы. Этой информации уже нет, хотя зачем точно таким же людям как мы называть себя злом? Каждый нормальный человек задумается. В том то и проблема, что они отучают всех думать с самого детства, – не на шутку разошёлся шеф полиции. – Сначала я поддался пропаганде, потом всю жизнь боялся и предпочитал молчать, да и сейчас молчу как последний трус. Однако тебе хочу сказать, как есть, о той войне и сегодняшнем мире ОМО. Не уверен, что убивать тех парней было правильным и очень сомневаюсь, что мы были врагами. Один случай не даёт мне покоя все эти годы. Забыть такое невозможно, а это ведь лишь часть той несправедливости. Грех

страшный на мне и нет нам прощенья. Тебе, как себе, всю правду, но никому, иначе... – сделал явно непростой выбор Тор, фиксируя утвердительный кивок Арма. – В общем, нам отдали приказ всеми средствами уничтожить городок, где по словам командиров затаился враг. После артиллерии, мы расстреливали и забрасывали гранатами устоявшие дома. На любое движение реагировали, скорее сами боялись умереть. Успокаивали себя приказом и долгом. Показалось всё же странным, что в ответ не прозвучало ни выстрела. Тогда радовались, что хорошо отработала наша артиллерия. Однако, когда проходили очередную улицу, слышали детский плач. Никто из наших не решился пойти туда, они прошли мимо. Только мы вдвоём с моим другом отважились, охваченные любопытством и жалостью. Заглянули внутрь полуразрушенного снарядами здания и увидели тех, кого нам приказали убить. Там лежала вся семья, разорванные в клочья люди. Маленькая девочка лет десяти, присыпанная обломками, была без ножек, но всё ещё живая, – старик тяжело сглотнул, а в широко открытых глазах стояли слёзы. – Она лишь плакала, хотя наши раненные в подобной ситуации выли и стонали от боли. Мы как могли перевязали... Мой друг побежал за помощью... – он бессознательно вытянул носовой платок из кармана своего пиджака. – Она умерла у меня на руках, так и не дождавшись наших санитаров. Именно она часто приходит ко мне во снах, и вся остальная мерзость той войны вместе с ней. Мы, послушавшись приказа командира, заглянули в каждый дом по пути и везде была страшная картина смерти ни в чём не повинных людей. У них не было оружия и вообще это были обычные гражданские. Они прятались, в основном в подвалах, полагая, что здания защитят их от обстрела. Мы были там не солдатами, а убийцами. С того самого момента я начал прозревать. Позже мы узнали больше. Специальные отряды творили такое... Много было совсем не так, как они написали в учебниках. Ты должен знать это, – промокнул глаза платком старик и тут же сделал вид, что вытирает невидимый пот со лба. – Теперь же, когда вижу во что превратился и продолжает превращаться Остар и вообще ОМО, всё больше убеждаюсь в лживости правящей элиты. Да и победа совсем не факт, когда нам до сих пор неизвестно о судьбе большей части планеты. Может где-то там, наши бывшие враги, также, как и мы, считают себя победителями. И возможно, и я даже надеюсь на это, они идут совершенно иным путём, путём добра. Больно мне за вас молодых, очень больно. Не верь им...

– Мой отец погиб на той войне, а мать искала утешения в церкви, – неожиданно разоткровенничался и детектив, стараясь сменить ранищую старика тему. – Они довели её до самоубийства. До сих пор презираю этих лжецов в золочённых халатах!

– И я там был, – махнул платком в сторону церковных шпилей, что виднелись за старым парком справа, Тор. – Пожалуй эти похуже тех чиновников, которые зазывают на Данаю. Те хотя бы дают людям нечто реальное, а священники продают пустоту. Даже если у человека что-то там не заладится на новой планете, он всё равно способен идти дальше. После разочарования на темы «Книги всех святых» лишь очень сильные духом способны устоять. Сочувствую твоей утрате.

Вместо того, чтобы отвлечь, он почему-то ещё больше расстроил старика.

– Есть новости от вашей дочери? – решил хоть так исправить свою оплошность он. – Мой брат так уже несколько месяцев обо мне не вспоминает.

– К сожалению, она так и не откликнулась, – печально отреагировал старик. – Наверное очень занята и им не до меня. Да и кому нужен старый ворчун.

– Я не так стар, как Вы шеф... – Арм резко вывернул руль вправо, едва не пропустив

поворот.

– Не спеши так, успеем, – постарался успокоить мчавшегося к месту преступления, словно гончая по следу, детектива Тор, убирая платок в карман. – И мы же уже давно договорились, зови меня просто Тор. Тем более, что совсем скоро мы окажемся среди безработных и будем оба отдыхать на пособии.

– Не страшно, Даная ждёт всех! – весело крикнул Арм, кивнув на огромный рекламный экран с этим слоганом, на фоне райской картинки.

Ему очень хотелось отвлечь старика от тяжёлых воспоминаний. Самому Арму не пришлось в своей жизни столкнуться с такими ужасами, но и он с рассказов старика проникся трагизмом тех военных лет. Тем более было важно сменить тему разговора, но было заметно, что Тор уже ушёл в себя.

– Мне тоже не по нраву все эти изменения, особенно те, что запрещают человеку выбирать. Выбор и есть свобода, а они делают его за нас, – попытался продолжить беседу о настоящем детектив.

Однако старик замолчал, может не желая больше отвлекать водителя, а может просто погрузившись в воспоминания о столь жутком прошлом. Арм тоже задумался о так сильно изменившейся за эти годы жизни. Словно насмехаясь над иронией детектива, реклама преследовала их повсюду. Очередной огромный экран осветился супер предложением от компании продающей кроссовки. Известный спортсмен убеждал потенциальных покупателей, что стоит им одеть данные кроссовки, и они тут же превратятся в спортивных и привлекательных. А если ещё и решатся в них на пробежку, то уж вообще равных им не будет в этом мире. Во всяком случае они станут такими же популярными и счастливыми, как он сам в этом ролике. За поворотом, следующий экран предлагал от лица популярной модели косметику, которая творит чудеса и способна превратить любую женщину в супермодель. Сюжет был прост, как сама жизнь среди лжи и иллюзий. К модели, не то в гости, не то просто за помощью, пришла очень некрасивая, неухоженная женщина средних лет, а ушла потрясающая красавица, помолодевшая лет на двадцать. Очередной экран на следующем перекрёстке крутил короткий, но очень запоминающийся ролик о волшебном действии пилюль. Больные, мучимые ужасной болью, избавлялись от всех страданий после глотания разноцветных капсул. Они вновь были веселы, бодры и даже счастливы. Было нечто зловеще странное, особенно для такого человека как Арм, что даже в таких ужасных условиях, правящий класс не отказался от политики навязанного потребления. Лишь несколько лет после войны, пока новое правительство ОМО наводило порядок в сохранившихся городах, кругом царил настоящий хаос. Реклама исчезла вместе с законами и воскресла с ними же. Минуло пару десятилетий и похоже всё окончательно вернулось на круги своя. Судя по всему, это был лучший способ подчинять себе население, либо другого нынешнее правительство не знало. Калейдоскоп рекламы крутился везде и всюду. Большие экраны на городских проспектах сменяли меньшие внутри зданий, а замыкали цепочку самые маленькие экраны смартфонов. Кроме этого множество рекламщиков сновали тут и там, выбирая места помноголюднее, хватая за рукава прохожих и стучась в каждую дверь. Добрая половина из них была мезами, ведь корпорации так стремились к прибыли. А кто лучше бездушной машины сможет круглые сутки рекламировать всякую дрянь!? Именно дрянь, ибо по-настоящему нужные и добротные вещи не нуждаются в рекламе. Пожалуй единственное, что останавливало «денежные мешки» от полного перехода на рабочих-мезов – частые поломки последних. Даже закупаемые городской администрацией модели мезов-детективов,

не говоря уже о мезах-патрульных, могли сломаться в самый неподходящий момент. Приходилось содержать целый отдел техников и механиков. Администрация получала привилегированный гарантийный срок и поэтому так рьяно взялась за мезоизацию полиции и коммунальных служб. Для остальных же плюсы мезов пока что не перевесили их минусов, а потому у людей всё ещё оставалась возможность работать. Конечно же существовала проблема с безработицей, и в этом, кроме всего прочего, обвиняли мезотехнику, но правительство ОМО справлялось и с этим.

Арм родился во время войны, а когда она закончилась, ему был всего год. Поэтому, о той жизни до он знал лишь по рассказам матери, урокам истории в школе, фильмам, да сплетням других людей. Однако его душа тянулась к тому прошлому, словно там и была настоящая жизнь. Ещё с детства он, прочитав книгу, а потом посмотрев и фильм о машине времени, мечтал о такой. Он представлял, как сможет вернуться на довоенную планету и остаться там навсегда. Как же отличалась та жизнь от этой, той что проносилась сейчас мимо его чёрного «лорда»! Они совершенно свободно пролетали перекрёстки, притормаживая лишь у красных светофоров, главной целью которых, казалось, было заставить проезжавших мимо людей обратить внимание на рекламу. Прокатные авто, автобусы и служебный транспорт совершенно органично вписывались в городские проспекты. Удивительно, что ещё каких-то пять лет назад, проезжая эти улицы, он и дня не помнил без пробок, и лавина автомобилей, казалось, с каждым днём становилась всё больше. Администрация не знала, как исправить ситуацию и водителям представлялось, что вскоре в нужное место можно будет пешком добраться быстрее, чем доехать на автомобиле. Даже общественный транспорт не решал проблему. К примеру вагоны подземки были переполнены, в какое бы время вы бы не захотели ей воспользоваться. Отдельная полоса для автобусов, также не спасала от пробок. Несмотря на штрафы, всё больше спешащих и сходящих с ума в пробках водителей срывались и на автобусную полосу, провоцируя остальных. Вскоре и на ней образовывалась пробка, а дорожная полиция обходила тех, кто стоял там и выписывала штрафы. Ситуация повторялась день за днём. Уже никого не удивляли лихачи, объезжавшие других водителей прямо по тротуарам. Так часто поступали таксисты, ведь клиенты были согласны оплачивать и штрафы, лишь бы успеть на место вовремя. Полиция же, как и остальные экстренные службы, без вариантов пользовалась тротуарами, вытесняя пешеходов на газоны. Пешеходы жаловались, что машин стало слишком много и просили власти ограничить их количество в городе. Водители негодовали почему не расширяют дороги. Многие, особенно богатые горожане, выступали за введение крупного налога на автовладельцев. По их мнению это должно было отсеять большую часть тех нищевродов, что предпочитали передвигаться на своих старых, дешёвых авто, вместо пользования общественным транспортом. Мэр и вся администрация всерьёз подумывали о введении нового налога на личный транспорт, однако не представляли куда денутся вчерашние водители с такой загруженностью транспорта общественного. Арм уже тогда понял, что проблема не в автомобилях, слишком много народу собралось в одном месте. Ещё до войны многие люди предпочли тесноту мегаполисов простору сельской жизни, а потом и остальные вынуждены были спасаться от её последствий в тех же городах. Конечно же и этот город расширился, захватив все более-менее пригодные земли, вплоть до запретной зоны. Бедные кварталы, как, впрочем, и раньше, располагались на окраинах, вплотную к мёртвым землям. Богатые, или вернее состоятельные горожане, предпочитали жить поближе к относительно чистому центру. И всё же миллионы новых горожан – это слишком, даже для такого мегаполиса, каким уже

и до того был Остар. За последние пять лет всё как будто изменилось. Город не то что постепенно стал просторным, но уже другим. Количество автомобилей на улицах явно уменьшилось, как и количество людей в городе. Прокатные авто, с мезами вместо водителей, стали почти что обыденностью.

И всем этим переменам они были обязаны правительству Объединённых Мегалополисов Осма. Примерно десять лет назад, сразу после смерти его матери, когда и сам Арм переехал в Остар из родной Марки, всё и завертелось. Администрация начала тогда потрясающую рекламную компанию. Поначалу она не выглядела рекламной, но Арма не проведёшь, с самого начала это и была реклама. Вот и их ролик на очередном перекрёстке. Вновь заывают на Данаю, превосходящую многострадальный Осм во всём. Какие виды! Когда-то и здесь было также красиво. Он застал уже царство выживших после войны мегалополисов и мир как Объединённые Мегалополисы Осма. А вот Тор ещё помнил старый мир, там, где были разные страны, народы, границы. Мир, где ещё оставались леса, вместо парков и бескрайние поля, вместо жалких корпоративных угодий за высокими заборами. Там, где были места, где человек мог остаться наедине с природой. Тот мир, где можно было встретить ежа на лесной тропинке, стаю облепивших высокие деревья ворон, жужжащих у полевых цветов пчёл. Там всё ещё легко дышалось, даже не смотря на уже изрядно отравленный цивилизацией воздух. Но главное – там почти не было мезов.

Война изменила всё. Выжившие, вернее те, кто ими правил, ухватились за остатки прогресса довоенных лет и сделали безусловную ставку на механизмы. Энергии всё ещё было достаточно, благодаря уцелевшим реакторам и доступным местам добычи нужных материалов. Уцелевших же складских запасов всего и вся не удалось исчерпать и до сего дня. С едой же с самого начала были большие проблемы. Точнее её запасы были узурпированы сильными и они, вновь ожидаемо превратившись в богатых и властных, до сих пор могли себе позволить открыть к обеду пачку настоящего печенья, банку тушёнки или даже бутылочку довоенного коньяка. Эти были избранными и умело прятали за красивыми словами и улыбками своё презрение к остальным простакам. Теплицы и пищевые суррогаты – то что позволило прокормить оставшихся в живых обычных людей. Лекарства стали панацеей от всех болезней и в кармане почти каждого человека, даже ребёнка, всегда лежала коробочка с таблетками. Климат, сводивший с ума много лет после войны, вроде бы стал лучше, но, как и его начальник, Арм понимал, что не всё так просто. С экранов и по радио им показывали и рассказывали только хорошее: позитивные новости, счастливые лица, весёлые передачи, многое из довоенного прошлого. Но ещё были слухи и просачивавшиеся даже через плотную цензуру обрывки совсем других новостей. Океан, поглотивший так много и похоже навсегда перекроивший карту этого мира, продолжал неистовствовать. Чудовищные шторма сожрали все корабли, вместе с большей частью суши, и до сих пор не позволяли пересекать водные пространства. По сути ОМО были поначалу государством, объединившим лишь несколько близлежащих мегалополисов на одном из уцелевших материков. Хотя возможно он и был единственным из таковых. О судьбе остального мира до сих пор ничего не известно, а о ещё нескольких уцелевших мегалополисах по соседству узнали только в последние годы. Поезд, которому удалось прорваться из другого клочка полуживой земли, сохранившегося среди мёртвых территорий, добавил в государство ещё несколько мегалополисов. Сейчас с ними наладили более-менее сносное сообщение. Для этого тем людям пришлось отремонтировать часть путей и преодолеть несколько сильно заражённых участков. Восстановление рельсов давалось им слишком дорогой ценой,

но другого способа соединить разделённые мёртвыми землями города попросту не было. Широко использовали мезов, но даже и они часто погибали во время ремонта. Радиация на путях порой зашкаливала, но скорость проезжавшего по ним поезда позволяла надеяться на лучшее. Во всяком случае в этом убеждали чиновники, которые почему-то старались без особой надобности не покидать и центров своих городов, а точнее даже своих уютных квартир.

«Может эти люди не так уж и глупы, отправляясь на эту Данаю. Это как вернуться на Осм, в его прошлое. Возможно вскоре нам всем так и так придётся покинуть израненную планету, – взгрустнулось Арму. – Кто знает?!»

Остар

– Вон они, – кивнул в сторону знакомых служебных авто Тор. – Значит это где-то здесь.

Арм припарковался, и они направились к довольно крутой лестнице, что спускалась по склону к самой набережной. Даже старик Тор, позабыв о возрасте, ускорился вслед за молодым детективом. Чуть правее, у самого берега, за широким полукольцом из мезов-патрульных и любопытствующих зевак, они увидели своих коллег. Старик всё же сильно отстал и Арм, спохватившись лишь у самого оцепления, остановился, позволив шефу первым прибыть на место. В отличие от Арма, тот и подойдя к криминалистам всё ещё не мог как следует отдышаться. Голое тело жертвы было уже прикрыто от любопытных глаз толпы пластиковым мешком для трупов и все похоже только и ждали появления детективов.

– Привет, Жорж! – крикнул неприметному типу в помятом плаще шеф. – И тебе доброго утра, Лора! Что тут у нас?

– Привет последним настоящим детективам нашего города! – заулыбался криминалист. – Сошло бы за несчастный случай, но его явно задушили перед тем как сбросить в воду. Хотя может он и повесился, а кто-то избавился от тела. Во всяком случае он не мог сам повеситься, потом снять с шеи верёвку и утопиться. Не мог потому, что был определённо мёртв ещё до того, как попал в воду. Так утверждают обнаружившие его железки. Всё более чем странно. С другой стороны, похоже он действительно каким-то чудом ещё был жив, когда упал в воду, говорят нам они. А что тут правда, а что нет, смогу сказать только после тестов в нашей лаборатории. Вернее, он был мёртв, но вода их озадачивает. И да, ещё холод, вода то ледяная и тут и у живого шансов спастись не было бы. В общем ещё и холод заставляет сомневаться... Всё выглядит так, словно мертвец ожил и умер ещё раз. Впечатляет, а? Но это, конечно, если верить показаниям приборов, а ведь они могут и ошибаться, – бросил он весьма выразительный взгляд в сторону мезов-патрульных. – И всё же я также заинтригован и с нетерпением буду ждать лабораторных тестов. Его личность, ввиду отсутствия чипа, определить с ходу не удалось. а система распознавания зависла. Так что узнаем о нём позже. Это, конечно, если он не из тех бродяг из доков, или того хуже из запретной зоны. Однако железки утверждают, что он из обычных горожан и мой дозиметр согласен с ними. Всё произошло этой ночью, но учитывая силу течения, возможных мест убийства или сокрытия самоубийства предостаточно. Именно поэтому вызвали вас. В руке он сжимал вот это, хотя вряд ли такое особо поможет.

Жорж передал детективам вложенную в целлофан маленькую ржавую табличку.

– Ну ты и нагородил, мастер криминальных дел! Сам то хоть понял о чём нам тут трещал? – усмехнулся Арм. – Надеюсь в лаборатории твои загадки исчезнут. Ещё один пример, что не стоит слепо доверять мезам. Как может мертвец умереть снова?! Дичь полная!

– Похоже на логотип, но ржавчина его почти уничтожила, – первым вертел в руках находку Тор. – Есть пара букв и... бог мой, это же «Вента», водосточные системы любой сложности! Их логотип ещё до его смены в сороковых! А ведь может помочь, Жорж!

– Осталось узнать откуда это. Сейчас посмотрим где устанавливались такие системы в районе реки, – достал из кармана свой служебный смарт Арм. – Ну вот, такие системы

были установлены в половине зданий у реки. А вот зная, что после сороковых они уже использовали новый логотип и, отбросив все здания вниз по течению, получаем всего... всего двенадцать построек. Это, конечно же, если мертвец не приплыл к нам из запретной зоны.

– Дозиметр в норме, я перепроверил, – тут же возразил криминалист. – Он явно не посещал мёртвых земель и вообще до попадания в реку жил в сравнительно чистом районе.

– Тогда это произошло в районе тех зданий, – обрадовался Арм.

– При условии, что его не привезли откуда-то ещё, – усомнился Жорж.

– Вряд ли он стал бы так долго держать в руке эту табличку, но ты прав, он мог и просто найти её где-то на берегу, – призадумался молодой детектив. – В этом слу...

– К этим вариантам мы сможем вернуться позже, а пока обобщем постройки, поищем свидетелей, – нетерпеливо перебил своего сотрудника шеф.

– Так, – снова уткнулся в служебный смарт Арм, – из них шесть уже давно снесены, но всё равно нужно проверить. Четыре здания на старых складах, где раньше была фирма «Грузовые перевозки Гримса», ещё два на бывшем...

– Как же, помню. Не одно дело там расследовал. – в глазах Тора появилась печальная ностальгия по прошлому. – Обанкротились после массовой замены водителей мезами. Не успел или не захотел старина Гримс подстраиваться под новые реалии. Кто там сейчас?

– Ну конечно! Вездесущая и блистательная! «Один», что б её! – детектив по многим причинам, хотя объективных среди них пока было немного, невзлюбил производящую мезов фирму.

Появившаяся где-то лет двенадцать назад компания «Один» составила неплохую конкуренцию трём уже существовавшим на тот момент гигантам мезотехники. Теперь она практически сравнялась с ними, а где-то и обошла.

– Туда бы я наведалься в первую очередь, – шеф Омели был солидарен со своим сотрудником, просто потому, что данная фирма ассоциировалась у старика с разрушающими их мир переменами.

– Труп распаляет нездоровое любопытство прохожих, поэтому советую вам как можно быстрее отдать его нам. Вскрытие и лабораторные тесты дадут вам больше достоверной информации, – настойчиво и очень нетерпеливо посоветовала женщина в белом халате.

– Ну конечно, Лора, о чём разговор, – развёл руками дурачившийся Арм. – Мы только одним глазком взглянем на него и всё.

– Тебе то что, клоун, а у нас инструкция, – недовольно отреагировала на весёлые гримасы детектива строгая женщина. – Пока могу лишь сказать, что никаких татуировок, пирсинга, чипов, вообще ничего на его теле не обнаружено. Кстати, мы поначалу обрадовались было, что тебя тут выловили.

– Ага, он точно твоя копия! – поддержал злую шутку начальницы Жорж.

– Отставить шутки, детектив третьей ступени Арм Кант! С тобой говорит целый шеф городского криминалистического отдела! – едва сдерживая улыбку, рявкнул на подчинённого шеф Омели. – За работу!

– Есть, господин Омели! – вытянулся, словно на плацу, широко улыбающийся детектив.

Женщина выразительно покрутила пальцем у виска и махнула на них рукой. Детективы осмотрели жертву. Это был молодой мужчина, действительно поразительно схожий внешне с Армом. Тут даже явно впечатлённый Тор мрачно пошутил, не его ли это беспутный брат

близнец. Арм, вслед за криминалистами, убедился, что помимо следов верёвки на шее, у утопленника действительно нет ни татуировок, ни каких бы то ни было других особых примет на теле. Это было очень необычно и для таких исключительных консерваторов, как Арм с Тором.

– На нём и тусов не было? – поинтересовался Арм у коллег.

– Так и плавал голышом у набережной, что конечно же тоже странно, – отозвался Жорж.

– Учитывая повальную моду не только на татуировки, но особенно чипы, это ещё и крайне интересно, – задумчиво сказал Тор. – Лора, он полностью ваш!

– Если всё же это мой неизвестный брат близнец, то он конечно может быть таким же отщепенцем, как и я, а значит его убили за свободу выбора, – с неизменной улыбкой проследовал за шефом Арм. – Отправимся осматривать те шесть зданий?

В кармане Тора надрывно затрезвонил смарт. Он намеренно ответил без видео, оставляя себе возможность погримасничать.

– Омели! – по непоправимой привычке из прошлого приложил он экран к уху и тут же пожалел об этом.

– Доброе утро, шеф, – резануло по старческому уху, и он резко одёрнул смарт в сторону. – Как продвигается расследование?

Тор огляделся и, желая скрыться от ушей коллег, зашагал прямо к воде.

– Доброе утро, мэр, – перекрыл его недовольный бас строгий женский голос. – Не видите? Да не буду я разбираться в этом... Ладно, попрошу потом кого-нибудь из своих настроить. А? Да, не буду орать прямо в микрофон, конечно, – нехотя вытянул он руку со смартфоном перед собой.

– Это убийство? – наконец расслышал и Арм вопрос мэра.

– Так ничего пока не ясно. Мы только начали расследование. Да, возможно это убийство, – ответил на него шеф полиции.

– Всё равно Вам нужно приехать к нам и предоставить полный отчёт о происшествии, – в женском голосе появились звонкие командные нотки. – Мы ждём.

– Сейчас? – взмолился старик.

– Немедленно! – рявкнул динамик его смарта.

– Ладно, ладно, еду, – сдался он.

Тор долго смотрел на реку, явно пытаясь успокоиться. Течение медленно уносило прочь последние льдинки. Солнечные блики резвились на воде и за их игрой можно было наблюдать бесконечно долго. Арм терпеливо ждал, зная, что шефа в таком состоянии лучше не трогать.

– Так, – словно очнулся от долгих раздумий Тор. – Меня вызывают в мэрию. Они видите ли желают знать всё о первом за этот год настоящем преступлении. Они приказывают явиться! – всё ещё был возмущён он. – И вместо того чтобы расследовать, я должен болтать с ними, теряя время за пафосным столом. Вот что, Арм, начни со складов «Одина». Это явно самое перспективное направление. Я просто нутром чую, разгадка там. Сейчас позвоню всем нашим, они тоже подключатся к поискам. Нужно прошерстить все эти здания вдоль и поперёк. Это пока наша единственная существенная зацепка. Надеюсь, когда Лора идентифицирует личность, у нас будет больше ниточек.

Подниматься к парковке было в разы тяжелее, чем спускаться, но Арм, сколь сильно бы ему не терпелось продолжить расследование, пропустил шефа вперёд. Не смотря на отдышку, тот продолжал размышлять о деле и не только.

– Что если слухи о подпольной лаборатории старика Гримса не были уж такой сказкой и спустя столько лет мы её обнаружим на этих складах, там, где и не подозревали?! – старику пришлось приткнуться к перилам, так подъём казался легче. – Расскажу потом тебе как вся остарская полиция искала источник контрабанды, да так и не нашла. Ты главное зацепись там, а я постараюсь как можно быстрее присоединиться.

На парковке солнца, казалось, было ещё больше, чем на берегу. Они оба приятно шурились, приветствуя весну.

– Всё сделаю, шеф! – громко заверил старика детектив, целеустремлённым шагом направляясь к своей машине.

Уже через пару минут его «лорд» буквально сорвался с места, взвизгнув шинами. Старик лишь понимающе хмыкнул, провожая чёрный автомобиль тоскливым взглядом. К набережной подкатила служебная «кесла». Из машины выскочили журналисты, две девушки и парень с профессиональной камерой.

– Шеф Омели, расскажите, что здесь произошло! – закричала одна из девушек, помахав оставшемуся в одиночестве старику.

– Проклятье, только не это! – скривился тот, едва глянув в сторону журналистов. – Какая сволочь их сюда послала?!

Служебное авто, что должно было доставить шефа полиции в мэрию, как раз появилось на парковке. Увидев, что старик направляется именно к нему, троица тут же окружила серый «лимут». Омели был уже по-настоящему зол, и на вызов в мэрию, прервавший его участие в расследовании, и на не вовремя появившихся журналистов.

– Поделитесь с нами новостью, шеф! – ухватила его за рукав девушка с микрофоном. – Это убийство?

– Никаких комментариев! – нервно одёрнул руку старик. – Ждите официального обращения.

– Но у нас спецразрешение мэрии! – взвилась девушка. – Вы обязаны рассказать нам о ходе расследования.

– Расследование только началось, говорить не о чем, – быстро спрятался в салон «лимута» Тор. – Спросите мэра! – яростно хлопнул он дверью на прощанье.

Девушка нервно топнула стройной ножкой, обутой в модный сапожок из вездесущей рекламы. Это была молодая и скорее некрасивая особа, с непомерным самомнением. Небольшого роста, стройная и энергичная. Длинные, тёмные волосы были стянуты яркой лентой, а макияж был просто безупречен. Хищный взгляд её тёмно-карих глаз уже выискивал очередную жертву. Служащие криминального отдела довольно быстро увезли с собой труп уопленника, также не пожелав общаться с прессой. Остальные, за исключением криминалиста Жоржа, разъехались, едва исчезло оцепление. Мезы-патрульные разошлись, да и брать интервью у этих болванов, даже для такой беспринципной журналистки, какой была девушка в модных сапожках, было полным отстоем. На берегу, кроме следов на песке, уже ничто не напоминало о каком-то там настоящем деле. Последним на парковке появился замешкавшийся Жорж. Одинокая фигура тощего криминалиста, который не успел уехать вместе со всеми, была идеальной целью. Девушка рысью метнулась к нему, а её подруга и оператор уже бежали следом.

– Вы из следственной группы? – с ходу спросила журналистка. – Я видела Вас раньше, Кайл кажется?

– Жорж, и я простой криминалист, – вот этому неприметному человеку явно

понравилось внимание к его скромной персоне.

– О, извините, Жорж! – придержала она его за локоть, в то время как её подруга уже поправляла ей на ходу и безупречный макияж, и красивую причёску. – Я Ана. Всего пару вопросов, пожалуйста. Вы ведь наверняка смотрите новости на «Первом»?!

– Иногда. Да я в общем-то ничего и не знаю... – уже попался в омут таких искренних и, по его мнению, таких красивых глаз журналистки Жорж.

– О, не важно, хоть что-то для вечерних новостей, – она даже коснулась его руки, явно желая понравиться своей жертве. – Роза, хватит меня прихорашивать, займись уже Жоржем. Итак, начинаем!

Парень с камерой занял наиболее выгодную позицию, а девушка прошлась по обалдевшему криминалисту своими расчёсками и кисточками.

– Это убийство? – сразу попыталась схватить быка за рога Ана. – Кто этот несчастный и как всё произошло?

– Пока неизвестно убийство ли это. Детективы проведут следствие и... – как-то неуверенно начал отвечать криминалист.

– Ясно. Но всё же, как он погиб? Ведь это мужчина, правильно? – взяв в оборот собеседника, эта беспринципная особа уже не выпускала его, не выжав без остатка. – Он утонул, его утопили или зарезали?

– Он... он утонул в реке, как бы... но... ещё и был повешен, – сбивчиво попытался объяснить Жорж.

В этот момент он думал лишь о том, согласится ли эта юная особа пойти с ним на свидание. Он понимал, что с его внешностью и работой она вряд ли заинтересуется таким недотёпой, но её заигрывания ради интервью сбили мужчину с толку. Вернее, он и не сообразил, что она так любезна с ним по этой причине, а теперь и вовсе гнал все подозрения прочь.

– Боже, как интересно! – крашенные ресницы журналистки взметнулись вверх, словно она играла роль в театре. – А такое возможно? В смысле, он всё ещё был жив после удушения и захлебнулся?

– Возможно... в смысле чушь конечно, но тут ответы только у лаборатории, – развёл руками Жорж. – Скорее всего он был мёртв и кто-то сбросил тело в реку. Предположу, что кто-то даже попытался избавиться от уже мёртвого человека, надеясь, что тело унесёт по течению в запретную зону.

– Убийца? – картинно прикрыла рот свободной рукой девушка. – Будут ли ещё жертвы? Стоит ли жителям нашего города опасаться этого злодея?

– Пока ничего не известно, – снова промямлил криминалист. – Как я уже сказал, нужно подождать ответов из лаборатории и результатов расследования. Детективы смогут раскрыть это дело, они лучшие.

– Лучшие? Кто? – с сомнением переспросила она. – Старик Омели и...

– И Арм Кант. Они лучшие детективы и раскроют всё очень быстро, помяните моё слово, – заверил журналистов Жорж.

– Ладно, всё! Спасибо Вам за интервью, Жорж. Нам пора, – резко прервала беседу журналистка.

– Пойдите, Ана, – вдруг ухватил её за руку увлечённый криминалист. – Я хотел бы... в общем я... знаете...

– Прекрасно всё знаю и понимаю, – осторожно высвободила она свою руку. – Однако

у меня есть жених и я ему верна. Так вот, Жорж. Удачи Вам с другой!

Она рванула с коллегами к машине, а он разочарованно смотрел ей вслед, до тех пор, пока их служебная «кесла» не скрылась из виду.

Риц

Выйдя во двор, он привычно посмотрел вверх, на небо. Ни облачка, занималась заря, воздух был по-утреннему свеж. На улицах таял снег, обнажая идеально подогнанные камни мостовой, всех цветов и размеров. Он не мог предвидеть, что этот первый весенний день, так похожий на множество других дней в его неприметной жизни, станет для него особенным. Его ждала точка невозврата, а он, погружённый в свои невесёлые мысли, беспечно шагал по ещё спящим улицам города. Только такие же работяги, как он сам, так же уныло брели рядом. Они выходили засветло, чтобы успеть на рыночную площадь, к ратуше, и первыми встретить мастеров, торговцев, слуг и вообще всех пришедших нанять себе временного помощника. Если бы такое было возможно, они бы ещё ночью приходили туда, в надежде на подработку. Те, кто имел постоянное место работы, ещё спали спокойным сном, а этим беднякам, к которым принадлежал и он сам, не спалось, терзало беспокойство и неопределённость.

Прошлой весной он пришёл сюда с братом и друзьями из разных окрестных селений, в поисках лучшей жизни. Им, видевшим город лишь со стороны ярмарок и лавочников, представлялось простым делом разбогатеть и стать одним из тех красиво одетых щёголей, разгуливавших на площади с полными монет кошельками. Те беззаботно улыбались, мило беседовали и покупали себе всё что им понравится. Да, порой они замечали и тех, кто, например, таскал камни, перекладывая мостовую, или тех, кто замешивал раствор для ремонта городской стены, и конечно тех, кто умирал в лохмотьях за стенами города. Эти улыбались редко, а на их осунувшихся лицах лежала печать тяжёлого труда, забот и лишений. Для таких даже кружка отвратного, дешёвого эля могла стать поводом для радости. Однако для сельских романтиков эти работяги были просто неудачниками, теми, кто не сумел или не захотел жить красиво. Иллюзии развеялись довольно быстро. Монет, полученных за различную работу, а работали они много, хватало на малое. Брат с друзьями, не выдержав крушения надежд и испытаний городской беднотой, вернулись домой, к привычной сельской жизни. Но не он, только не он. Сила воли у него граничила с непомерным упрямством, и он остался. С самого детства все поняли, что этого себе на уме мальчишку, когда он вбил себе чего в голову, переломить невозможно. Не даром его здесь поначалу издевательски прозвали Ослом. Агрыйский осёл если заупрямится, никакой плетью или палкой не сдвинешь с места. Поэтому многие торговцы предпочитали волов. Те были медлительнее, но надёжнее, однако и стоили дороже. Вообще многим нищebroдам здесь давали обидные прозвища. Это отражало степень неуважения к их персонам. Осёл было ещё терпимым из всех, тем более, что он и сам в своём настойчивом, глупом стремлении разбогатеть, уже походил на это упрямое животное.

Медленно, но верно, и он превратился в обычного городского нищebroда. Этой зимой он стал вспыльчивым, угрюмым и даже озлобленным. Однажды в таверне, не стерпев очередного тупого оскорбления, Аск бесстрашно набросился на работягу, превосходившего его и по силе, и по размеру кулаков. В другой раз на него напали сразу трое, решив, что он перебил у них подработку, выставив неумехами. И хотя они таковыми и были, ему пришлось доказывать это в драке. И победил, несмотря на то, что был один против троих. С тех пор его

даже слегка зауважали такие же оборванцы, как он сам. Многие перестали звать его Ослом, шутя, что стал тот не иначе как Быком. Наверное, за то, что пёр теперь всегда напролом, невзирая на опасность и последствия. Враги же продолжали презрительно, но уже часто лишь за глаза, называть его тем же Ослом. Они не знали, ни те, ни другие, что весельчак Вили помог ему одолеть тех троих. Он по сути спас его тогда от неминуемого и позорного поражения, а то и от участи калеки, и стал почти что другом селянина. Хотя бывали и печальные дни. Как тот, когда его подкараулили в тёмном переулке слуги одного зарвавшегося богача, перед которым он отказался извиниться за свой неряшливый вид, и довольно сильно побили палками. Он уже не верил, что честным трудом здесь можно разбогатеть и просто жил по инерции, не видя способа изменить настоящее. Попытки выиграть в кости провалились, а для того, чтобы иметь постоянную и высокооплачиваемую службу, к примеру наёмника, или стражника, нужно было сначала стать воином. А для этого следовало иметь полное снаряжение и оружие и обладать навыками хоть стрелка, хоть мечника. Можно было также пойти подмастерьем к одному из городских мастеров. Например, к мастеру-оружейнику, а через несколько лет получить постоянное место. И это он испробовал, и бросил, не выдержав рутины и слишком долгого ожидания. В общем всё это было либо недоступно для него, либо не подходило вовсе. Одежда за эти месяцы от тяжёлой, грязной работы поизносилась, но он всё ещё старательно латал дыры и не давал ей превратиться в лохмотья. Обувь же и вовсе рассыпалась, так что и ремонт не поможет, и её уже этим летом придётся выбросить. Ему не привыкать ходить босиком, в его родном селении пока тепло так и ходят. Но в городе, по мостовой, да и на стройках, ноги будут часто раниться о камни и мусор. Однако мысль о том, что лето совсем рядом, слегка успокаивала, а печалиться о новой зиме было рано. И всё же рванная одежда и отсутствие обуви могли помешать его городской жизни. И хотя он всё ещё снимал койку в настоящем доме с крышей над головой, недалёк был тот час, когда ему и на это не будет монеты. А потом его сочтут за потерянного, которых немало скиталось у городской стены, и хозяйка без сожаления вышвырнет нищеврода на улицу. Тогда останется лишь два пути, один хуже другого. Либо, сдавшись, уйти всё же в лагерь потерянных за городской стеной и жить среди лохмотьев и грязи. Стать самому частью этих богами забытых созданий, которым уже и на рыночную площадь не попасть, а лишь попрошайничать кусок хлеба у стены, да продаваться на потеху. Либо вернуться к родным в селение, расположенное, как и ещё несколько ему подобных, недалеко от города, и продолжить обрабатывать землю и растить скот, повторяя жизнь своих родителей. Там было сытно и спокойно, но смертная тоска и безвестность. Оба варианта вызывали у него приступы печали и злости, ведь Аск мечтал о успехе, богатстве и уважении. Иногда он даже завидовал брату, который с такой лёгкостью смирился с поражением.

К печали, с самого утра, добавились приступы тошноты. Он съел вчера на ужин лишь краюху чёрствого хлеба с куском подозрительного копчёного мяса и теперь очень жалел об этом. Можно было конечно поголодать, но и тогда какой бы из него был работник. О таких дешёвых кусках ходили всякие слухи: приготовлены из испорченного, протухшего, часто уже с червями мяса или привезённые далёким торговцем, неизвестно с каких земель, без доверия. Нормальные люди, да и он сам ещё недавно, даже не смотрели в сторону такой еды, и это было ещё одним знаком, что он опускался всё ниже. Всю ночь крутило живот, а сейчас ещё и подташнивало. Внезапный приступ рвоты заставил работягу повиснуть на ограде довольно богатого дома. Выдав наконец всё содержимое желудка земле за оградой, он задержался, чтобы отдышаться. Голова прояснилась, больше не тошнило, но живот всё ещё

побаливал. На его счастье даже слуги спали и некому было отомстить ему за такое неуважение к собственности богачей. Он продолжил свой путь к площади медленно и обречённо. Об этом ли он мечтал, сбжав прошлой весной сюда от унылой, сельской жизни, в поисках перемен к лучшему? В его кошеле лежала всего пара грошей и, если не заработать сегодня-завтра, ему не за что будет даже поесть. Вернуться домой – значит признать поражение, уйти за стену – значит почти что умереть. Энергия и задор уже давно испарились, сменившись апатией и злобой. Даже физически, из-за недоедания и печали, он стал почти вдвое меньше себя прежнего. Черты лица заострились, плечи опущены, в глазах отчаяние. Лишь крохотный огонёк надежды, скорее благодаря нестигаемой силе характера, всё ещё теплился в его молодом, непокорном сознании.

На площади, у самой городской ратуши, до прихода чиновников, шла торговля рабочими руками. Немало таких же как он оборванцев уже стояли там в ожидании предложений. Постепенно, с разных сторон, к ним присоединялись остальные. Он влился в эту толпу и теперь нужно было лишь ждать.

– Аск! – окликнул его кто-то из собравшихся работяг.

Он повернулся на голос и увидел своего давнего знакомца Вили. Они познакомились ещё прошлым летом, работая у одного местного торговца. Там они таскали материалы для мастера, строившего ему домик для гостей. Разговорились, а после работы пропустили по кружке эля. После того частенько встречались в таверне и несколько раз работали вместе. Какое-то время даже жили под одной крышей, но менее удачливому Аску пришлось переселиться в комнатуху подешевле. А тот случай с дракой и спасением Аска ещё больше их сблизил. Были они примерно одного возраста, молоды и полны амбиций. Можно даже сказать, что они сдружились, но уже давненько не виделись.

– Вили, где ж ты пропадал так долго? Мы с ребятами решили ты нашёл себе постоянное место и возгордился, или вовсе покинул проклятый город, – откликнулся он, широко улыбаясь, вопреки всем своим печалям.

Аск был искренне рад встретить этого весёлого здоровяка, способного шутить даже с пустым брюхом. Его так и звали Здоровяк Вили. Несмотря на такую же скудную жизнь, выглядел он получше многих, во всяком случае особо не худел. Секрет какой-то не иначе, шутили остальные работяги.

– Не, дружище, этот город видно сожрёт нас всех и не отпустит ни за что! – прогремел здоровяк в своей обычной весёлой манере.

После того по площади разнёсся его характерный громкий хохот и даже тусклые лица стоящих рядом работяг осветились на миг принуждёнными улыбками. При этом он как обычно запрокинул голову назад, держась за свой изрядно потрёпанный ремень, который, как он сам говорил, был дорог ему как память о погибшем отце. Как, впрочем, и нож, висевший справа на ремне, в добротном кожаном чехле, с едва проступающим, до нельзя затёртым изображением какого-то родового герба на рукояти. На все вопросы по поводу своего происхождения Вили неизменно отшучивался, так и не позволив любопытствующим работягам узнать о себе сверх положенного.

– Поздно вечером, когда ты где-то пропадал, в таверну заглянул торговец Морт. Да, да, тот, которому недавно мы помогали с покупкой эля! Не забуду эти тяжеленные бочонки! Опустошать их было бы намного приятнее... Ха-ха-ха! – Аск сам был не малого роста, да и в плечах не узок, но Вили, стоя напротив него, нависал как гора. – Так вот, предложил он мне прогуляться из нашего славного городка в Эшт. Там он продал весь свой эль и закупил

обратно товаров своему брату. На всё ушло немного больше времени, чем он обещал. Всё из-за упрямых ослов. На полпути стали и напрочь отказались тащить повозку дальше, хоть в руках неси. День провели в поле, дежурили всю ночь, по очереди. Боги нас миловали, разбойники не рыскали в том поле. Вернулись вчера вечером. Я так устал, что сразу повалился спать.

Здание городской ратуши стояло в центре площади, а со всех сторон его окружали торговые лавки. На саму площадь, уже в такую рань, в ярмарочный день набивалось немало сельчан, желающих продать овощи, фрукты, зерно, мясо и много чего ещё. Компанию им составляли бродячие музыканты и актёры, веселящие толпу за брошенные в них монеты. В день суда, с рассветом здесь полно желающих поглазеть на казнь, и палач становится самой популярной персоной после смертников. День был не ярмарочный и не судный, площадь была почти пуста. Позже сюда потянутся слуги за покупками для своих хозяев и праздные горожане за новостями. Чем теплее будут дни, тем больше соберётся здесь народу. Но так рано даже постоянные торговцы не спешили открывать свои лавки.

Наконец на площадь стали подходить первые наниматели и работяги обступили большой помост, с которого обычно выступали чиновники, объявлялись новости вестником или приговор преступникам. Здесь же было место казней и кровавые, и не только, разводы на деревянном настиле напоминали горожанам о тех забавах. А в этот ранний час на помост поднимались по очереди горожане, желающие нанять себе временных работников. Вили с Аском прервали беседу, дабы сосредоточиться на работодателях. А те выкрикивали кто им нужен, какова оплата и работа. Согласные поднимали правую руку вверх, наниматель с высоты помоста выбирал тех, кто ему подходит. Зимой, да и ранней весной, работы было немного и часто на любое предложение над толпой взмывал всеобщий строй согласных рук. И тут уж на кого укажет хозяин, ведь выбор у него большой. Аску не везло, хотя он всё ещё выглядел лучше многих в этой толпе жаждущих подзаработать работяг. Наниматели часто не замечали его и предложения проходили мимо. Проклятье, полагал селянин, не иначе. Вот и сегодня указующие персты благодетелей тыкали в кого угодно, только не в него. Совсем скоро их осталось не более двух десятков, тех, кому работы не досталось. Они постояли ещё немного, в надежде на припозднившегося хозяина. В ратушу потянулась прислуга. Двое дюжих стражников с копьями, как каменные столбы, несмотря на всё ещё по-зимнему холодный рассвет, стали по обе стороны больших, крепких дверей. Солнце осветило башни ратуши и, не дожидаясь строгого окрика из окон, оставшиеся не у дел работяги разбрелись кто куда. С печальным удивлением Аск и Вили обнаружили, что остались сегодня без работы.

– Эх, дружище, не в первый и не в последний, – прогремел Вили, широко улыбаясь и хлопая Аска по плечу. – Зато сегодня мы можем спокойно посидеть в таверне за кружкой эля и весело поболтать, – и, увидев, что Аска вместо улыбки перекосило, добавил: – На счёт монет не беспокойся, я плачу сегодня и голодным ты не останешься.

– Вот это здорово! – Аск даже изобразил подобие улыбки и дружески хлопнул Вили по плечу в ответ. – Если говорить на чистоту, с монетой у меня в последнее время отношения разладились, – голодное урчание большого живота подтвердило его слова.

– Кому ты это говоришь! Я, в отличие от тебя, здесь уже второй год и порой почти был на грани. Но вот что я понял – никогда не оставляй надежду на лучшее и всё образуется, – глубокомысленно сказал здоровяк.

И тут, несмотря на весёлый тон и улыбку на лице Вили, Аск, заглянувший в его на миг

ставшие печальными светло-голубые глаза, вдруг понял, что весёлый простак – это лишь маска, а под ней скрывается совсем уж непростой и скрытный человек.

Товарищи не спеша, как люди у которых на сегодня нет никаких забот, направились в сторону таверны, где у входа имелась резная, с узорами вывеска «Монета». Таверна располагалась у южной стены, в бедняцком районе, и представляла собой довольно большое строение в два этажа. На первом стояло множество столов. за которыми, обычно к вечеру, было полно желающих поесть или просто выпить бодрящих и веселящих напитков. На втором этаже находились комнаты для гостей. Место было для работяг и слуг и уважаемые горожане сюда не хаживали. В столь ранний час здесь почти никого не было и, к усевшимся за израненный прежними посетителями стол, сразу же подошла одна из дочерей владельца. Звали её Эмма и она была такой же рыжей, как и её вздорная мамаша и ещё семеро братьев и сестёр, которые также трудились в этом заведении. Кто-то кухарил, кто-то смотрел за чистотой и порядком. Отец принимала оплату, мать занималась комнатами наверху, а Эмма обычно разносила за столы заказы. Помимо рыжих волос и веснушек она была такой же безразмерной, как и вся её родня. Почему бы и не жиреть при такой-то жизни?! Были они настоящими богачами среди бедняков, но в число достойных горожан, на что любил посетовать её отец, до сих пор не попали.

– Привет, Здоровяк! – казалось, что Вили в городе любили абсолютно все и неизменно улыбались в ответ на его жизнерадостность – Что-то рановато сегодня. Чего пожелаете? – она нависла над столом как туча, уперев свои большие кулаки в бока и, судя по расплывшимся в стороны щёкам и превратившимся в щёлочки глазам, улыбалась.

– Привет, красавица! – прогремел на всю таверну бас Вили.

Она на это хрюкнула, что, наверное, было смешком в её оригинальном исполнении. Аск отвернулся, якобы глаза на жирные пятна на стене, тщательно скрывая то ли удивление, то ли отвращение. Здоровяк же ухватил рыжую толстуху за локоть, жадно обозревая её безразмерные прелести.

– А что рано пришли, так не по своей воле, без работы сегодня. Принеси-ка нам по кружечке доброго эля, по тарелке вашего знаменитого жаркого с картофелем, да немного хлеба. Ух, и тебя бы слопал сегодня на завтрак, так проголодался! – фирменный хохот Вили заполнил собой всю таверну, заставив дочку хозяина покраснеть.

Папаша рыжей «красавицы», скучавший на табурете у кухонной двери, также покраснел, но явно не от смущения. Был он таких же невменяемых размеров, как и всё их семейство, но черняв и этим выделялся на общем фоне. Шутники не переставали поддевать толстяка по этому поводу, а он уже привык и даже перестал огрызаться в ответ.

– Эль сейчас принесу и самый что ни есть добрый, а жаркое придётся подождать, ещё готовится, – и «красавица» в украшенном жирными пятнами, огромном, сером платье, поплыла в кухню.

Отец что-то пробурчал ей вслед, одарив самого весельчака крайне подозрительным и явно недобрый взглядом. За всё то время, что Аск бывал здесь, он так и не смог привыкнуть ни к грязи, ни к особенностям Вили, ни тем более к семейке Эммы. Каждое новое посещение таверны вызывало у него бурю эмоций. Вот и сейчас его распирало поделиться.

– Вили, эй, только не говори, что слухи о вас с Эммой правда, я этого не вынесу, – глянул он уже с плохо скрываемой иронией на толстяка.

– Эх, ничего то вы все не понимаете в жизни, поэтому и не видать вам доброго эля

из бочонка получше. Так и будете как некто, – тут он недвусмысленно посмотрел на Аска, – сохнуть по дочери булочника и рукоблудить, идя прямой дорогой на тёмный берег к Виру.

При этом здоровяк как обычно открыто улыбался всем своим огромным ртом, словно ничто на свете не могло его опечалить. Меж тем со второго этажа спустились позавтракать двое торговцев, а может наёмников, уж не понять было по их виду. Такие вполне могли оказаться и разбойниками, но не пойман, как говорится, не вор. Эмма тут же вышла из кухни и покатила к новым клиентам. Вили нагло глазел на свою избранницу.

– Уж лучше рукоблудить, мечтая о такой красотке как Лидия и в лапы к Виру, чем страдать прямо здесь в объятьях рыжей Эммы, – рассмеялся Аск. – А грехов и у тебя столько, что светлого берега, завещанного праведникам, тебе всё равно не видать.

Он, в отличие от здоровяка, говорил негромко, не желая ненароком разобидеть семейство рыжей «красавицы». Как и остальные, он не знал было ли что-то у Вили с Эммой на самом деле, но слухи ходили вероятно неспроста. У самого Аска до сих пор не было любовных отношений в городе. Хотя утехи плоти будоражили молодую кровь, и если бы не Лидия, он давно бы сорвался. Возможностей ведь было предостаточно везде и всюду. Можно было соблазниться замужней грешницей или немолодой, скучающей вдовой, купить задёшево ласки потерянной у стены, или даже увлечь девушку подобную Эмме, с риском стать частью её семейки. Кроме того, ласки блудниц в доме греха торговца Оту были доступны каждому, но стоили недёшево, особенно для простого работяги. Однако делать это с замужней Аск считал большим грехом, а он хоть и не особо переживал по заветам богов, лишний раз гневить Сета не желал. Да и в случае праведной мести ревнивого мужа, можно было запросто оказаться на тёмной стороне. Блудницы Оту были ему не по карману, а об утехах у стены он забыл, как только увидел, что стало с одним из работяг, проклятым за это богами страшной болезнью, пред которой и лекарь оказался бессилён. Вариант Вили так или иначе закончится свадьбой, а иметь некрасивую, а главное нелюбимую жену, да ещё зная о находившейся совсем рядом прекрасной Лидии, было для него равносильно смерти.

Лидия, светловолосая, голубоглазая красавица, в которую он был до безумия влюблён, была особой болью Аска. Для того, чтобы понять насколько она была прекрасна, нужно испытать на себе страстную, испепеляющую силу настоящей любви. А Аск был абсолютно уверен в том, что это его самая что ни на есть настоящая и единственная любовь. Конечно другие не видели в ней ничего особенного, а некоторые даже считали молодой да ранней вертихвосткой. Для многих она была просто милой, для других и вовсе некрасивой. Для Аска же она была богиней среди людей и не меньше. Она жила в прекрасном доме, в северной части города, рядом с другими состоятельными горожанами. Её отец совсем недавно был принят городским советом в круг достойных горожан города Рица, чему он был крайне рад и даже отпраздновал с размахом сие событие в «Звезде». Теперь он заимел герб и звался Сорэ да Кур, а Лидия стала госпожой Лидией да Кур. Им уже не приходилось работать в своей булочной, помогали слуги. После этого Аск потерял вообще всякую надежду. Лидия, и без того задиравшая свой милый носик в небеса, вовсе перестала его замечать. Конечно же, теперь разодетые и холёные франты, из сыновей достойных горожан, были её кругом общения, а продолжать водится, как это ещё было совсем недавно, с простыми работягами, ей стало не с руки.

«Вот бы враз разбогатеть и засыпать её подарками, так чтоб до макушки, самым дорогим что продавали в лавках и о чём девушки только мечтали! – часто погружался в сладкие грёзы Аск. – Тогда уж она б меня точно заметила».

А в реалиях, напросившись мастеру-кузнецу в подмастерья, тут же сдался. Всё потому, что быстро понял, как тяжко придётся в духоте, целыми днями, махать молотом многие годы, прежде чем станет только лишь учеником. До мастера же, чтоб ковать латы да оружие разное за достойную плату, неизвестно сколько лет понадобится. Может и жизни не хватит на это. Детям мастеров было проще, ведь родители желали как можно скорее передать им своё ремесло. Чужакам со стороны иногда так и не удавалось удостоиться даже звания ученика. И не потому, что работали плохо или неумехи, а только из-за нежелания самих мастеров поднимать кого-то ещё, кроме своих отпрысков. Лишь тот, кого с рождения отметили боги, способен был без родственных связей и монет стать мастером. Он таковым не был, а может не распознал пока свой божественный дар. В общем не понравилось Аску, неволя это страшная, как и в селе своём вся жизнь в трудах, а толку то здесь и сразу никакого.

«Торговцы неплохо живут. Вон как часто их в достойные принимают, богатеют быстро, даже имя себе могут купить с гербом. Отец Лидии тому явный пример. Тут купил, там подороже продал. Да где ж монет взять на начало? – размышлял он, ожидая заказанный товарищем завтрак. – В займы такому нищоброду как я никто не даст. Случайными приработками, которые порой как сейчас и не случаются, богатым уж точно не станешь, с голодухи б не сдохнуть. Нужно пока приклеиться к Вили, он не даст пропасть. Ишь весёлый какой постоянно, любимчик Монка!»

А здоровяк, любовавшийся рыжей Эммой, хоть и имел монет побольше чем у того же Аска, мыслил примерно также. Сама судьба свела двух нищобродов этим утром и уже готовила им перемены, о которых они и не мечтали.

Риц

Для тех, у кого монет было в достатке, у северной стены было заведение получше того, в котором завтракали оставшиеся не у дел работяги. В сравнении с той харчевней, даже особо шикарное и дорогое. Сюда ходил самый цвет города и называлось оно соответственно – «Светлое место». Тут любили отдохнуть и побеседовать достойные горожане, те, кто имел право участия в выборах магистрата. Работяги, слуги, даже стражники, да и немало торговцев, такого права не имели. И всё же в таверне порой принимали и их, конечно же, если они были прилично одеты и спешили потратить побольше монет. Здесь, за крепким, дубовым, покрытым чистой скатертью, столом с резными ножками, сидели трое. Двое явно были давними знакомцами и почти друзьями. Выглядели они ярко и богато: на шеях сверкали цепи с медальонами по моде достойных, на руках перстни, и не только с фамильными гербами, на бездуховных лицах тени достатка и высокого положения. Различались эти двое лишь ростом, один крайне высокий, другой коротышка. Третий же, сидящий вместе с ними за столом мужчина, несомненно был воином и, несмотря на добротные, выполненные явно на заказ у хорошего мастера-оружейника с севера, доспехи, смотрелся не так выгодно на их фоне. Особенно сидя за столь великолепным столом без сверкающих цепей и браслетов, лишь с одним гербовым перстнем на указательном пальце правой руки. Однако по осанке, надменному выражению лица и неприкрытому презрению в глазах было очевидно, что по положению в этом мире он им возможно и ровня, но по своему разумению считает себя выше не только их, но и всех в данном заведении, а возможно и во всей Агрии. Короткие светлые, с лёгким каштановым оттенком волосы, широкий шрам на шее слева, в каждом движении чувствуется сила и уверенность. Этот человек был явно наёмником, однако не простым. Его же собеседники скорее всего являлись торговцами, хотя могли быть просто богатыми, городскими бездельниками. Двое воинов, завтракавших за соседним столом, без сомнений пришли с этим надменным господином. Все трое имели одинаковые прямоугольные щиты с изображённым на них атакующим медведем, чёрным на красном поле. Ранее это был только герб рода да Винар из города Хелма, теперь же он являлся ещё и гербом святого божественного Ордена. Кольчуги, наивысшего на агрийских просторах качества, кроме всего прочего, также выдавали в них опытных и преуспевающих воинов. Лишь шлемы каждого из этих мужчин, лежащие тут же на скамьях, отличались формой, а у важного господина и со сторон был выбит тот же герб с медведем. Да ещё размерами поражал один из этих двух воинов за соседним столом, здоровенный огненно-рыжий бородач. Это был настоящий гигант, словно чудовище из страшных грёз. Огромные ручищи, казалось, одним неосторожным движением могут с лёгкостью убить любого, и даже без оружия.

– Встреча с тобой большая честь для нас, господин Кром, – первым произнёс высокий господин, расстёгивая свой щитый на заказ, тёмно-синий камзол с блестящими пуговицами.

В его маленьких, чёрных глазках играла насмешка, а в голосе чувствовалось даже не почтение, а прямо крайне притворное почитание.

– Мы признаться не ожидали, что ты лично посетишь наш город столь скоро и приятно удивлены, – буквально проблеял вслед за ним коротышка, с издёвкой, заискивающе

заглядывая в глаза воина. – Чем обязаны такой чести?

Казалось, воин не обратил внимание на их ужимки, столь каменным оставалось его некрасивое лицо, и столь безразлично-презрительным взгляд слегка прищуренных, серых глаз.

– Господа, вы весьма уважаемые горожане города Рица и с кем, если не с вами, было мне встречаться по прибытии, – уверенный голос светловолосого господина словно незримый молот впечатывался в головы окружающих, а каждое слово звучало словно приказ, – Я посетил на своём пути в Дувр уже пять городов юга и наконец добрался и до вашего. Ваш Риц, хоть он и не стоит как остальные на реке, также крайне важен для недавно созданного моим отцом святого Ордена. В прошлом году вы, по приглашению Ордена, посетили наш город и убедились в реальности того, что мы создаём. Но большинство горожан нашего мира за всю свою жизнь не путешествуют дальше окрестных сёл. Они и за стенами своих городов и то ходят с охраной, боясь похищения или ограбления. Поэтому я лично отправился в это путешествие, с целью убедить их в серьёзности наших намерений. Многие, лишь увидев меня в окружении воинов Ордена, в полном облачении шествующих через городские ворота, проявляли интерес. Другим нужно было выслушать мою речь на площади. Остальных же, пребывающих в сомнении, приходилось убеждать при личной встрече, – всё же сарказм, невольно проступивший в его словах, несмотря на то, что сам он очень хотел верить в сказанное, был результатом разочарования и злости.

Нет, он не врал, просто всё обстояло не настолько хорошо и даже хуже. Простые горожане действительно восхищались их отрядом и многих впечатляла его речь на городской площади, но властных и богатых советников и служителей церкви невозможно было привлечь на свою сторону и в личной беседе. И всё же слушая Крома, так хотелось верить каждому его слову. Однако оба достойных горожанина, несмотря на показное почтение, прекрасно понимали, что если бы всё было так просто, они бы сейчас не общались в «Светлом месте», до его выступления на площади. Всё же по слухам, доходившим через торговцев и вестников, достойные горожане других городов юга вовсе не спешили в орденский союз и даже выступали против этой затеи. В особенности святые отцы противились предложению Ордена.

– Поразительно! – взвизгнул курносый коротышка и тут же поднял свой кубок с вином. – За тебя и твой Орден, господин Кром!

– За победу веры над грехом! – подхватил долговязый, подняв и свой кубок.

– Один с нами! – отчеканил магистр и осушил свою кружку с элем первым.

Пока статная девица приносила им заказанные блюда, все молча рассматривали её аппетитные формы под облегающим сарафаном. Затем, как по команде, принялись за еду. Говорить с набитым ртом было не с руки, поэтому разговор продолжился после того, как Кром отставил пустую тарелку и заказал ещё эля.

– Как всё-таки правильно мы поступили продав ладью и, вместо того, чтобы сразу направиться в Эшт, заглянули в ваш прекрасный город. Весьма неплохо тут кормят и мне уже есть с чем сравнивать, господа. В некоторых местах на юге приходилось заставляя себя съедать их отвратительные блюда, дабы не остаться голодным. А эль, он везде такой разный, то отвратное пойло, то божественный нектар как здесь, впрочем, как и ...женщины. Риц конечно, в этом смысле, мне нравится, несомненно, – при этом он даже уже почти улыбнулся, но глаза цвета стали оставались холодны.

Достойные горожане, не зная, как отреагировать, то ли улыбнуться в ответ, то ли

выждать, застыли в растерянности. Кром, глядя на них, вдруг искренне рассмеялся и маска надменности на мгновение слетела даже с его холодных глаз, но лишь на мгновение. Господа ещё только начали смеяться в ответ, но тут же прервали свой натянутый смех, под вновь вернувшимся, стальным и крайне презрительным взглядом собеседника.

– Я не чужд многим человеческим радостям, однако стараюсь, чтобы это не мешало делу всей моей жизни – установлению закона божьего на всех известных мне землях. Чего и вам советую, господа. Бог, величайший и наипервейший, может быть лишь один и это Óдин! Пора покончить с этим цирком с богами на любой вкус и цвет, в каждом городе и в угоду бестолковой толпе. Итак, господин Мири, – обратился он к высокому. – Ты заверял меня в прошлом году, у нас дома, что вам с господином Филе не составит большого труда убедить остальных в важности присоединения к союзу городов, с признанием главенства Ордена и Хелма, как столицы союза. Дошедшие же до меня слухи поселили в моём сердце тревогу, которая силится перерасти в разочарование. Так верны ли слухи, что мне не так уж и рады в Рице?

Воин откинулся на спинку массивного стула и пристально взглянул на собеседников, как будто впервые заметил их рядом с собой. Те несколько стушевались под таким требовательным взглядом, но быстро пришли в себя.

– Господин Кром, мы старались и сделали всё что смогли, но неожиданно встретили противодействие от отдельных горожан, которые отстаивают свободу городского управления и безусловно свою власть над этим городом, – коротышка Филе опередил высокого с ответом и тот лишь кивал в знак согласия. – Увы, большинство горожан поддержали магистра и его друзей, а нас выставили чуть ли не предателями. Мы думали послать тебе весть с подробностями обо всём, но узнали, что ты отбыл уже к нам, и решили дожидаться твоего прихода.

– Господа, это всё конечно печально, но меня не волнует вовсе. Вам придётся вернуть мне монеты, выплаченные вам вперёд за работу, вами как оказалось не исполненную, и расстанемся приятелями, – Кром вновь изобразил подобие улыбки, столь зловещей, что оба его собеседника заёрзали на своих стульях.

Настроение, немного приподнятое прекрасным завтраком, вновь омрачилось мыслями о полном провале планов о союзе городов. Он вспомнил как ещё зимой, по снегу, не считаясь с опасностями такого похода, с большим энтузиазмом отправился в сие путешествие. Доверившись отцу и поддавшись на уговоры братьев и других старых и достойнейших воинов Ордена, он постарался убедить себя в возможности подкупа городских Советов для их добровольного вступления в союз. Решение, по сути ставшее лишь потерей времени. До того в Хелм пригласили разных проходимцев из многих городов и дали им вперёд монет на уговоры. Из всех городов Агрии пока лишь соседний Тор принял их предложение, и кстати без монет и хитрецов. В Торе никто и не сомневался и это было ожидаемо. Вот уже многие годы его товарищи проповедовали в нём за Óдина и изрядно преуспели. И конечно торьянам понравилось, что ордена очистили окрестности от злодеев. В остальных же городах, также как здесь, в Рице, за монеты старались убедить в полезности союза. Можно было конечно повторить успех Тора и пойти путём многолетних проповедей и помощи, но на это требовалось слишком много времени. Этот путь не устраивал орденов и даже его отца. Его жизнь близилась к концу, а ему так хотелось ещё при жизни воплотить в реальность свои планы. У Крома также жизнь была всего одна, и та наполовину пройденная. Был выбран более быстрый путь подкупа. На это была задействована почти что

вся казна Ордена, а ведь монеты требовались прежде всего для усиления войска и строительства. И теперь, потерпев явное поражение на юге, Кром не видел иного быстрого пути, кроме завоевания. Путь силы, и в этом не сомневался командир орденского отряда, всегда самый верный. Это всё же печалило его. Считая себя прежде всего спасителем этого мира, ему претило проливать кровь тех, кто были для него почти уже братьями Ордена. Он свято верил, что все они, ну или почти все, последуют за Тором, как только глаза их откроются. Конечно же, позже он планировал казнить всех, кто бы воспротивился новым порядкам. Однако это было бы уже наказанием за преступление против Одина, это было бы справедливо. Убивать врагов – это правильно. И это были бы лишь те, кто вместо уважения, дерзил и насмехался над ними и их верой. Война же со всеми этими безвинными горожанами, находящимися в плену иллюзий, будет для него весьма неприятна. С самого начала, ещё не имея плана завоевания, он своим цепким взглядом выхватывал всё в обороне каждого из посещаемых городов и их защитниках. Во многих местах он бывал и раньше, путешествуя в охране торговых караванов, в Рице же гостил впервые. Так и здесь он старательно подмечал крепкие, высокие, каменные стены, толстые, дубовые, обитые железом ворота, количество стражников с мечами и копьями, лучников на городских стенах, сильные стороны города и его слабости. Штурм конечно возможен, однако потери будут немалыми. Нужно действовать хитрее, но хорошего плана в его голове до сих пор не было.

– Уважаемый господин Кром, монеты потрачены и о возврате не может быть и речи, – напускное почтение и уважение как ветром сдуло с собеседников ордена. – Тем более мы не скрепляли наше соглашение на гербах.

Долговязый Мири с открытой насмешкой смотрел теперь в лицо воина. Кром почему-то вспомнил, что монеты не вернули ни в одном городе и это был ещё один повод для печали и злости. Многие старались лишь заболтать посланника Ордена пустыми обещаниями и ничего не значащей лестью. Их не уважали, над ними насмехались и нарывались на силовое решение.

– Расстанемся приятелями и забудем о прошлом. Что было, то прошло, – добавил коротышка Филе, издевательски ухмыляясь. – Работа нами, как бы то ни было, выполнена. Результат не совсем тот, что ожидался, но и говоря прямо, монет вами было дано не так уж и много, с вас не убудет.

– В таком случае, господа, вы остаётесь моими должниками с правом роста долга скажем... вдвое за год отсрочки. И я оставляю за собой право взыскать этот долг в любое время в будущем, по суду или силой. Если одумаетесь, то легко найдёте меня либо моего отца для расчёта. Спасибо за завтрак, нам он пришёлся по вкусу, – Кром резко поднялся из-за стола, прихватил свой шлем, нацепил пояс с мечом, поднял щит и направился к выходу.

Командир орденов оставил достойных горожан с открытыми от растерянности ртами, даже не думая уплатить за свой завтрак. Двое его товарищей, ожидавших командира за соседним столом, сразу же последовали за ним. К Мири и Филе уже спешила статная девица за оплатой. Врагов у Крома да Винара с этого момента прибавилось. Он же уже всеми своими мыслями был на городской площади, готовясь произнести очередную сколь вдохновенную, столь и бесполезную речь.

Риц

Торговец Морт был ещё тот пройдоха. Там, где обычный делец поднимал на сделке десять монет, ему удавалось урвать вдвое больше. И не будь он столь азартным игроком в кости, быть ему, причём давно, самым успешным торговцем Рица. А там и до достойного горожанина рукой подать. Однако игра в кости была его проклятьем. И не сказать, что он постоянно проигрывал, ведь бывали дни, когда ему несказанно везло. Но всегда приходил именно такой день, когда он оставался с пустым кошелём и шёл занимать для очередного дела. Так было и сегодня. Вчера вечером он вернулся из Эшта, подняв за несколько дней немало монет и просадил всё, играя за этим самым проклятым столом. Теперь он сидел в лучшей таверне Рица, в столь ранний час, и ждал, когда сюда заглянет на завтрак советник по податям Епас да Гур. Советник неизменно давал ему займы, зная, что друг Морт всегда возвращает в срок. Морт раздумывал в очередной раз, что пора уже прекращать играть в кости и начинать копить монеты на взятку за достойного горожанина, на герб и достойное имя. Сколько раз он клялся после очередного проигрыша никогда больше не брать в руки костей! Клятвы неизменно рушились, стоило ему оказаться рядом с игрой.

Народу в таверне почти не было, за исключением двух проходимцев, которых он хорошо знал. Когда к ним присоединился добротнo вооружённый воин с охраной, а может товарищами, экипированными не хуже, Морт заинтересовался.

«Что может связывать таких людей? Всё же охрана, – решил торговец, после того как двое других воинов уселись за соседний стол. – Воин не здешний и не из ближайших городов. Мне знакомы все в Рице и городах рядом с ним, уж очень часто приходится путешествовать по торговым делам. Два негодяя из достойных явно вознамерились обмануть этого господина. Впрочем, какое мне до этого дело».

Проходимцы Мири и Филé, после того как позавтракали, довольно живо что-то обсудили с незнакомцем, пока тот, явно недовольный, их не покинул. Охрана ушла следом. После чего два хитреца, после долгих препирательств и проклятий, уплатив наконец за завтрак всей компании, всё ещё зло перешёптываясь на ходу, также направились к выходу. Торговец выпил уже вторую кружку эля и начал волноваться не заболел ли советник, как тот показался во всей своей богатой красе на пороге таверны.

– Доброе утро, Морт! Знаешь о такой примете: встретить торговца Морта с утра в таверне это к полному кошелю? – беззаботно рассмеялся советник Епас, присаживаясь за стол к торговцу и тут же заказал себе эля.

– Да уж, кости, будь они неладны, ворово проклятьё! И главное не хочу играть, а ноги сами несут к столу, руки хватают кости, язык делает ставку, – вынужденно рассмеялся в ответ торговец.

– Как я понимаю, всё ещё весь в долгах? – участливо спросил советник.

– Так и есть, но уже знаю, как подзаработать, – подмигнул товарищу Морт.

Они сидели напротив и вполне сошли бы за давних приятелей и даже друзей. Внешне они были похожи: примерно одного роста и возраста, с животиками, нависавшими над ремнями, прекрасно уложенными шевелюрами и пухлыми сладострастными губами на лоснящихся жиром, отъеденных лицах. Одеты были богато, разве что советник чуть богаче

и даже роскошнее, всё же он представлял магистрат города, да и долгов не имел. Ещё мальчишками они бегали вместе по пыльным мостовым Рица и знали о друг друге всё. Повзрослев, не перестали общаться и нашли взаимовыгодное дело. Епас брал на время монеты из податей городской казны и давал займы Морту. Главным условием было быстро вернуть монеты, иначе недостачу пришлось бы восполнить из кармана самого советника. Другие советники и магистр слишком хорошо знали примерную сумму податей и могли проверить казну в любой день. Конечно он утаивал некоторую часть податей с ярмарок, но это были для него крохи. Епас также получал приличное жалованье, но его кошелек всегда очень быстро пустел. Он слишком любил роскошь и тратил на это всё до последней монеты. Его дом давно походил на чертоги Сета на светлой стороне. Во всяком случае именно так описывали это вождеденное для праведников, и не только, место святые отцы. Самая лучшая одежда, самые дорогие украшения, лучшая еда и самые дорогие потаскухи этого города – всё это требовало прорву монет. Некрасивая жена, которая и вывела его в люди, благодаря связям своей богатой семейки, и сама подсела на роскошь. Теперь они болели вместе. Поэтому приходилось тайно брать монеты из городской казны и с помощью Морта получать хорошую прибыль от займа. До сих пор тот ни разу не подвёл старого друга и изрядно пополнил его кошелек.

– Сколько на этот раз, друг? – хитро глянул на торговца Епас, жадно отхлебнув из своей кружки.

– В четыре раза больше чем в прошлый. Кое-что разузнал в Эште, самое время. Двину в Акр, туда эль и разную снедь, назад доспехи и оружие. Сможем поднять намного больше, поэтому и взять хочу по максимуму, на две повозки, – уже закатил свои рыбы глаза Морт, мысленно подсчитывая расходы и доход с дела. – При прежней охране и рабочих выйдет очень, очень хорошая прибыль. Наконец-то смогу рассчитаться хотя бы частично с братьями.

– Ты уж постарайся, не проигрывай всё как в этот раз, злы они на тебя. Как скоро обернёшься и не следует ли увеличить охрану? – Епас представлял, как заплатит мастеру за заказанный им недавно, расшитый серебром, с его родовым гербом, новый камзол и подарит для собственного спокойствия прекрасные серьги своей некрасивой жене.

– Думаю за дней десять управлюсь, если с ослами не приключится та же история, что в прошлый раз. Слава богам в ту ночь не рыскали разбойники в том поле, – деловито ответил Морт, попивая свой эль. – Охрана стоит дорого, друг мой, а мы хотим хорошо заработать на этом деле. С элем, пожалуй, стоит рискнуть, четверых воинов должно хватить. А вот для железа, на обратный путь, можно нанять ещё нескольких в Акре. По месту уже решу. Пока так.

– Что ж, риск – дело достойных. Давай позавтракаем сначала, а потом ко мне в магистрат, за монетами. Взял бы ты уже волов что ли, дались тебе эти ослы! – Епас уже звал статную девицу, чтобы заказать себе самых лучших блюд, что могли предложить в «Светлом месте».

Эль распалил его и без того славный аппетит и теперь советник будет долго наслаждаться плотным завтраком. Морту пришлось взять кое-что не такое изысканно дорогое, чтобы не пускать за столом слюни.

– Ослы, если не упрямятся, намного быстрее, да и не хочется тратиться ещё и на волов. Итак, придётся ладью брать в Эште и не факт, что потом продашь её за ту же цену по возвращении, – здраво рассудил торговец.

Позавтракав, друзья ушли в ратушу. Первым делом, после того как получил монеты

от советника, торговец Морт поспешил в «Монету», в надежде что там ошивается кто-то из незанятых работяг. К сожалению таверна была пуста и единственные, кто здесь был с утра, Вили и Аск, уже ушли на площадь. По дороге туда же ему повстречались двое других работяг, Кирш и Золе. Не лучший выбор, но времени не было, и он нанял их. Затем вместе они пошли к торговцу элем и купили у него бочонков на целую повозку. Остальное загрузили мешками с зерном и крупами. Сами повозки он, за небольшую плату, предоставил им в пользование, с обязательным возвратом в хорошем состоянии. Пока работяги грузили товар, Морт сходил к наёмнику Дирку, который к счастью оказался дома, и нанял его с тремя товарищами на охрану каравана. После того поспешил обратно к торговцу элем, договорившись что охранники будут ждать его у ворот. То, что за многих торговцев обычно делали слуги, экономному Морту приходилось делать самому. Товар был погружен и, прикупив припасов в дорогу, Морт с работягами повели повозки к воротам.

– Ого, Морт, ты не сказал, что повозок будет две! – Дирк с вызовом смотрел на торговца. – За такое двойная цена.

– Что ж, найду охрану посговорчивее и... – начал было Морт.

– Все уже наняты, – перебил его Дирк. – Если поторопимся, нагоним караван торговца Кира. Он не столь жаден и нанял четверых на одну повозку.

– Мне нет дела до Кира или до кого бы то ни было. Я веду дела по-своему. Кирш, правьте повозки к таверне! Переночуем, а завтра в город должны вернуться другие воины, – сделал вид Морт, что направляется обратно в город.

– Ладно, ладно, скряга, только потому что мы уже настроились на дорогу, – сдался Дирк, не в силах одолеть пройдоху Морта, особенно после того как на него зашикали другие воины.

– Вот и славно, как прибудем в Акр по кружке эля каждому, – весело сказал торговец, развернувшись к воротам.

– По две кружки, – добавил Дирк, почувствовав, что Морт в очередной раз их провёл. – И это справедливо.

– Эх, добрый я сегодня! Так и быть, по две, – сдался хитрый торговец.

Караван вышел за ворота и направился к Эшту, стараясь обогнать солнце, поднимавшееся всё выше над головами путешественников.

Риц

Хотя, переходя из города в город, Кром всё явственнее осознавал всю бесполезность своего путешествия и в особенности тщетность своих речей на площадях, сразу из питейной он, в сопровождении двух своих товарищей, направился к городской ратуше. Остальные его воины уже окружили помост, с которого этим ранним утром хозяева нанимали работников. Один из орденов, взойдя на помост ещё до прихода Крома, голосил о выступлении сына магистра божественного Ордена перед рицанами. За это время площадь заполнилась достойными и мечтавшими ими стать горожанами. Не то, чтобы им было интересно послушать какого-то воина из далёкого, чужого им края, просто любое событие в городе, а их было совсем немного, способно было развлечь этих людей. Возможно, в те далёкие времена, когда зарождались свободные города, достойными горожанами становились действительно самые лучшие представители города. Сейчас же, самым большим их достоинством было происхождение, а ещё чаще количество монет в кошельках. В остальном это были мелочные, жадные, спесивые и трусливые людишки. По-настоящему честных и порядочных среди них были единицы и те помалкивали, не желая навлекать на себя гнев мерзопакостного большинства. Из ратуши вышел также магистр города и его советники. Даже священники в своих нелепых чёрных халатах, из храма Сета и всех богов, расположенного неподалёку, не усидели в ожидании подаяний. Они тоже приплелись в этот солнечный, весенний день на площадь. После хорошего завтрака и Вили с Аском пришли сюда развеяться, всё же какое-нибудь, а развлечение. Когда на площади появился командир Кром, его поначалу никто и не заметил. Он с трудом протиснулся через толпу горожан к помосту и, только после окриков его воинов с просьбами тишины, присутствующие обратили свои праздные взоры к ордену. И всё же командиру пришлось выдержать небольшую паузу, в ожидании установления той самой тишины. Она конечно же была относительной: шум из мастерских у южной стены, детский плач где-то в отдалении, окрики рабочих, ремонтирующих северную дорогу, ведущую с площади в район достойных и богатых горожан, неторопливые разговоры где-то в толпе.

– Достойные горожане города Рица! – громко и уверенно начал командир орденов. – Я воин божественного Ордена из города Хелма, что на западе у Больших скал. Как вы все, наверное, уже слышали, я объезжаю города нашего мира, с предложением союза, для совместного будущего и нашего всеобщего процветания...

– Орден безбожников, поклоняющихся силам тьмы! – выкрикнул кто-то из толпы, не дав Кромю продолжить.

Толпа загудела и понадобилось немало времени, прежде чем все готовы были слушать оратора дальше. Тот же очень старался оставаться спокойным.

– То, что мы с некоторых пор не признаём главенство Сета и служим единственному величайшему, после отца-создателя, богу нашего мира, показывает лишь то, что безбожники те, кто не следует за нами. Ибо те, кто не идут по пути добра идут злым путём! Всё же мы уважаем ваш выбор и не ждём что вы... – Ропот недовольства стал вновь нарастать, недовольные возгласы горожан множились, а ордену пришлось снова повысить голос. – ...немедленно примете нашу веру. И всё же пример осаждённого города Барта заставляет

задуматься о будущем нашего мира. Сет не сможет защитить сей свободный город и его несчастных горожан, ибо слаб. Помяните моё слово, разбойники доберутся до бартян и тогда не будет пощады никому и даже их детям. Зло и тьма будут править там. Точно также они могут осадить и Риц, обрекая вас на страдания и смерть. Моё предложение состоит в объединении для совместной защиты от злодеев. Также мы предлагаем строительство хороших дорог между городами, процветание торговли и...

– И несомненно под вашей властью, – подал голос глава города, небольшого роста плешивый старик, разодетый как шут бродячего цирка. – Вы же лучше знаете, что нужно нашему городу и всем иным городам Агрии. Не так ли? – язвительность ещё больше состарила его изборождённое морщинами, неприятное лицо.

– Вир с тёмного берега ваш бог теперь и идёте вы вместе с Аром в его владения, за грехи ваши! – это завизжал один из священников, патриарх Зорг да Шур, глава церкви святой города Рица. – А нам там с вами не место. Праведникам бог наш завещал светлый берег во владеньях своих и встретит нас бог света Сет! Аскаш дом ваш, а наш Сенéга и не по пути нам! Сами вы и есть суть разбойники, а хотите изничтожить добрых горожан хитростью своей злобной! Не бывать тому!

В каждом свободном городе Агрии был свой глава святой церкви, как, впрочем, и свой магистр, но в отличие от магистра, главу церкви выбирали лишь святые отцы, а не избранные горожанами советники, либо достойные горожане. В Рице уже давно правил Зорг да Шур, получивший эту должность скорее по наследству от своего отца, как тот раньше от своего. Орден покушался на проповедуемую святой церковью веру в бога света Сета, заступника агрян, и это было неприемлемо. Именно поэтому сам глава церкви пришёл на площадь посмотреть на своего врага. Теперь он, не сдержавшись, стал обвинять Крома и всех орденов. При этом его, с позволения сказать, лицо, израненное в неравной войне с лучшим вином и обжорством, больше походившее на свиную морду, покраснело больше обычного. Он злобно потрясал кулаками в драгоценных перстнях, а его коллеги в расшитых серебром, чёрных, до земли халатах, ему шумно поддакивали. Было очевидно, что в Рице святая церковь не бедствовала. Толпа также одобрительно ревела, поддерживая и магистра, и святого отца. Кром смотрел на всех с высоты помоста и на его благородном лице ещё резче прорезались складки злого презрения. Он уже решил, что с него хватит, и пора прекращать этот бесполезный цирк. Уже ясно, что следует продумывать другой путь к осуществлению орденских планов.

Лишний раз он убедился в том, что его отец сильно заблуждался, прививая ему веру в мирные перемены. Магистр святого Ордена без сомнения был избранным, это он начал превращение города Хелма в неприступную крепость и это он постепенно сменил веру хелмян. Это он создал Орден и сплотил всех этих воинов. А ведь до того они были лишь отрядами разобщённых наёмников. Это ему во снах являлся сам Óдин и направлял по верному пути. На его счастье большинство хелмян признало его правоту, поверило в его избранность и приняло перемены. Остальным пришлось либо смириться, либо покинуть Хелм. Хотя таких оказалось немного, в основном те, кто потерял власть и влияние. Они стали первыми непримиримыми врагами новоявленного Ордена. Отец всегда старался всё решать миром, воинов же тренировал для защиты от разбойников и для исполнения особой мечты своей. Мечтал он объединить все города Агрии в один союз, под настоящей верой. Потом связать их дорогами из камня, а на дорогах построить крепости для их постоянной охраны. Всё для процветания безопасной торговли и ремесленничества. Кром вспомнил как

он, как и оба его брата, дал клятву поддерживать начинания отца и преуспеть на пути добра. Но он был не таким как отец. Кром, с его властной и высокомерной натурой, был совсем другим. Боги не приходили в его сны, людей он видел такими как они есть, силу предпочитал договорам. За харизму сильного лидера его уважали в Хелме, хотя оба его брата были настроены против старшего. Они явно желали сами после смерти отца стать во главе города и Ордена. Их стоило опасаться, но пока жив был отец, Кром можно было не беспокоиться о коварстве братьев. С самого начала возникла проблема поважнее и требующая немедленного разрешения. Разбойничьи шайки издавна хозяйничали на дорогах, ведущих к соседним городам, и вытрясали плату за проход с торговцев и других путников. Некоторые же из них грабили путников подчистую, убивая и порабощая без пощады. Кром, с позволения отца, сразу же отправил лазутчиков и вскоре выяснил где скрываются самые крупные и опасные шайки. После этого к вожакам послали вестников с требованием покинуть земли Ордена или умереть. Отец предложил вариант помягче, но Кром лично довёл до каждого вестника, коими были те же преступники, передать злодеям угрозу, а не просьбу. Сейчас все разбойники обходили стороной земли Хелма и Тора, первым примкнувшего к союзу. Тех же, кто тогда рискнул остаться, ждала неминуемая смерть. Целый год Кром только тем и занимался, что настигал их по окрестным лесам и лугам, чтобы в устрашение остальным вешать, рубить им руки и ноги, выкалывать глаза. Отец посчитал бы это дикой жестокостью и никогда бы на такое не решился. Кром был другим и не рассказывал магистру, да и остальным хелмянам, подробностей. Воины его отряда помалкивали, а слухам, исходившим от спасшихся злодеев горожане предпочитали не придавать значения. И всё же отец однажды спросил его о судьбе хелмянских разбойников. Кром не соврал, просто умолчал о правде, успокоив старика. Вероятно, тот не поверил ему и наверняка поэтому послал именно своего старшего сына в этот поход с речами и уговорами. Жизненный же опыт воина доказал, что нападение – это лучшая защита, а страх – самый лучший аргумент. Так он и поступил тогда, уничтожив всех злодеев на своём пути. Однако сейчас следовало постепенно уничтожить все лагеря злодеев на западе, а после и востоке Агрии. Для этого нужен был союз городов, конечно же под началом Ордена. Многие из разбойников кочевали от одного города к другому, с одной дороги к следующей. Те же, кто имел постоянные селения, хорошо скрытые в лесах или горах, были ещё опаснее. Поэтому уничтожить шайки на агрийских просторах лишь полдела. Необходимо найти их селения и вырезать всех до единого. Хотя вариант с изгнанием злодеев в гиблые или пустынные земли также был неплох. Но смерть всё же была лучшей гарантией, что те не вернуться. Сейчас в его землях начали мостить дорогу между Хелмом и Тором. Дальше нужно будет возвести пару крепостей на той дороге. Войско Ордена должно постоянно расти и иметь лучшее оружие и доспехи, если он хочет воплотить планы отца, да и свои, в жизнь. На всё требовались средства. Орден не в силах был в одиночку свершить такое или на это и сотни лет не хватит. А тут явно намечалась долгая и непростая война с множеством городов. Да и после, захватить город – ещё не победа, нужно ведь навести в нём свой порядок. Те, кто потеряют власть, будут мстить, а горожане не сразу поймут, что ордена их спасители. Разбойники же, как ему стало известно от лазутчиков совсем недавно, не просто боялись командира орденов, но и жаждали его скорой гибели. На агрийских просторах он уже объявлен врагом всей разбойничьей братии и приговорён к смерти. Выехать с пятнадцатью воинами так далеко от дома было не просто смело, но возможно даже и глупо. Однако у небольшого отряда было преимущество подвижности, да и шайки

редко могли выставить больше двух десятков воинов. Отец всё же настаивал на отряде как минимум в пятьдесят орденов, но Кром уверил его в защите Óдина. А если нет, то и к чему такая жизнь.

«И если Óдин за нас, уже неважно кто против!» – любил бахвалиться Кром перед товарищами.

На его счастье до сих пор разбойники на них так ни разу и не напали. Возможно их отпугивал вид добротных доспехов и знаки Ордена на щитах и накидках, ведь они предпочитали нападать на слабых и старались избегать сильных. А может орденам не попадались достаточно большие шайки на пути. В общем не рискнул никто пока сразиться с орденами. Идти всё же таким малым отрядом из осторожности приходилось в полном боевом облачении, будучи готовыми в любой момент отразить нападение. Но возможно действительно Óдин хранил этих воинов от беды. Часто, пока их ладья рассекала водную гладь, они чувствовали на себе взгляды затаившихся в прибрежных зарослях незнакомцев и мысленно готовились к схватке. На привалах ночная тьма, перешёптываясь с вирунами шумом векового леса, грозила вражеской засадой. Но воины были готовы сразиться даже и с самим Виром, если потребует. Всё, что они делали, было оправданно горьким опытом прошлого в окрестностях Хелма и Тора, а также их службой наёмниками и стражниками. Ведь малейшая беспечность, вроде отложенного не ко времени в сторону щита на привале или снятый по причине жары во время перехода шлем, часто приводила к смерти. Пущенные тогда из чащи стрелы отняли немало жизней их товарищей. Будучи в большинстве своём трусами, разбойники избегали открытого боя и предпочитали метнуть копьё или пустить стрелу из укрытия и тут же сбежать. Так было, когда они вошли в лес, прозванный местными Гиблым местом. Оттуда никто из вошедших путников так и не возвращался, во всяком случае своим ходом и свободным. Разбойники похищали для выкупа или рабства, грабили, либо просто убивали всех забредших сюда. Более полусотни головорезов изрубили они в куски, либо казнили, обнаружив целое разбойничье селение в том лесу, потеряв, в основном из-за беспечности, двенадцать воинов Ордена. Уроки прошлого были хорошо усвоены орденами, и они предпочитали выдерживать трудности пути, вместо лёгкости беспечной смерти. Уже там, в этом разбойничьем лесу, между Хелмом и Тором, Кром лишней раз убедился в том, что меч надёжно решает многие проблемы. Теперь же он стоял и смотрел, погружённый в свои невесёлые мысли, на эти жалкие подобию людей, напомнивших ему тех разбойников. Глава церкви и глава города продолжали попрекать и унижать его и Орден. Им вторила льстивая толпа, советники, торговцы, священники, даже работяги и слуги, оказавшиеся по воле случая за их спинами.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4jn>